

Елена Александровна Усачева

Елена Габова

Ирина Мазаева

Мария Северская

Самый романтичный выпускной бал.
Большая книга историй о любви для девочек
Серия «Большая книга романов о любви для девочек»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5626937

Габова Е. Самый романтичный выпускной бал : Большая книга историй о любви для девочек :

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63674-7

Аннотация

«Сказка выпускного бала»

Ее прозвали Вороной, да и сама Ника считала себя неуклюжей, некрасивой и незаметной. У всех в классе были пары, кто-то с кем-то встречался, ходил на свидания, а ей в подарок досталось одиночество. Но выпускной бал заставил девушку поверить в сказку. Ведь волшебство рядом с нами, а прекрасным принцем может оказаться и одноклассник...

«Бал неисполненных желаний»

Когда в одиннадцатый класс пришел новенький, ребята сразу же ополчились против него. И только Соне Тихон понравился. Правда, она и сама не поняла почему. Но от любви, как известно, не убежишь, и, несмотря на недовольство одноклассников, Соня не устояла. Тихон оказался таким внимательным, заботливым. Только вот идти против всех совсем не просто, и девушка не подозревала, чем может кончиться ее неожиданная влюбленность...

«Подари мне выпускной!»

Последний год обучения в школе должен был стать самым запоминающимся для красавицы Даши, но когда ее бросил Антон, уйдя к лучшей подруге девушки, в жизни Даши все резко переменилось. Обнаружилось, что за одиннадцать лет она не только не обзавелась друзьями, но и не представляет, чем живут ее одноклассники. Оставшись в одиночестве, девушка познакомилась с Костиком. Парень оказался внимательным, предупредительным, добрым и отзывчивым, но сможет ли он развеять грусть Даши и подарить ей незабываемый выпускной?

«Идеальный выпускной»

Лара всегда мечтала об идеале. Всю жизнь она надеялась встретить совершенного парня, настоящего принца. И когда самый красивый мальчик класса написал ей «вКонтакте», девушка, конечно же, безумно обрадовалась – мечты сбываются! Наконец-то она будет ходить на свидания, гулять взявшись за руки, а на выпускной отправится настоящей парой. Вот только Лариса забыла, что идеальных людей, как и отношений, не бывает...

Содержание

Елена Габова	4
Вероника	4
Аким	10
Вероника	15
Аким	16
Вероника	17
Аким	24
Вероника	27
Аким	31
Последний звонок	36
Вероника	37
Аким	38
Вероника	39
Аким	43
Сказка выпускного бала	44
Елена Усачева	71
Глава 1	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Елена Габова, Елена Усачева, Мария Северская, Ирина Мазаева Самый романтичный выпускной бал. Большая книга историй о любви для девочек (сборник)

Елена Габова «Сказка выпускного бала»

Вероника

Жила-была ворона. Она любила всякие блестяшки: фантики, крышки от бутылок, флакончики от духов, ну а если найдет брошку со стеклышками – сердце ее замирало от счастья. Все эти драгоценности ворона утаскивала в свое жилище на старой высокой березе.

– Вот и ты, дочка, похожа на такую же ворону. Тебе нравится то, что блестит, все это ты готова унести в свое гнездышко...

Мама рассказала сказочку про ворону, когда мне было лет пять. Я всякий раз вспоминала про нее, когда перебирала в коробке из-под конфет свои нынешние «драгоценности»: серебряную цепочку, кулон из сердолика, брошь – то, что дарили мне на дни рождения родители или бабушка. Все это я хранила в обычной конфетной коробке. Конфеты съели, а вместо них в ячейки пластмассового вкладыша я клала украшения. По одному в каждую ячейку-гнездышко. Удобно!

Мама была права, говоря о похожести. Когда я была маленькая, в гостях выпрашивала у хозяев всякие блестящие пустячки вроде пластмассовых колечек, кулончиков, брелоков. Все с удовольствием уступали ребенку ненужные, невесть как попавшие в дом побрякушки. За всю мою последующую жизнь эта мелочовка растерялась, но одна побрякушка – нет, ее нельзя так назвать, это брелок – хранится у меня до сих пор. Он замечательный – маленький козлик из прозрачной пластмассы. Цепочка и кольцо для ключей на нем почти незаметны, а заметен вот этот козлик с крутыми рогами. Когда нажимаешь на его спинку, внутри переливается свет: красный, зеленый, голубой. И сразу вспоминается сказка «Серебряное копытце»¹, тот момент, когда из-под копытца лесного козла вылетают разноцветные драгоценные камушки.

Я его берегла. Он меня успокаивал в моих горестях: от пустяковых, вроде тройки за диктанты в младших классах, – до обидных, вроде записки Кати Стрекаловой о том, что они с Вилей Вельсом три раза ходили в кафе. Эта записка случилась всего неделю назад. Катя (она сидит за партой сзади меня) дала мне ее на физике. Толкнула в спину и дала. Я и так физику не люблю, а тут еще эта записка... До того мне на уроке стало муторно, хоть выбегай из класса. Виля Вельс мне нравился, и об этом секрете знала только Катя Стрекалова. Я ей буквально за два дня до записки по секрету сказала. Настала очередь дежурить по классу, а

¹ «Серебряное копытце» – сказка Павла Бажова.

моя соседка по парте Наташка Круглова заболела. Катя сидит одна. Вот классная Лилия и сказала, чтобы мы подежурили вместе.

После уроков, убрав класс, мы сели за Катину парту. Я люблю наш класс. Люблю цветы на подоконниках, люблю портреты великих биологов, которые вот уже третий год смотрят на нас со стен. А когда класс пустой, мне он еще больше нравится. Он наряжается в таинственность. Все наши дневные разговоры, споры на переменах, объяснения учителей никуда не деваются, а превращаются во что-то неизвестное науке и витают вокруг нас, сидящих в одиночестве в пустом классе.

Сидели мы с Катей, дышали этим неизвестным. Я никогда не была близка с этой девчонкой, мы вообще-то с Наташей дружим, но вот тут я проявила слабость и призналась, что мне нравится Виля. Конечно, слабость! Можно сказать, раскрылась перед змеей. А разве она не змея? Ведь она прислала записку, уже зная, что мне нравится Вельс, чтобы я помучилась.

Вилька красивый. У него длиннющие ресницы и челка, закрывающая лоб. Я не понимаю, как парням удастся быть такими красавчиками. Ведь они не красятся. И еще он очень умный, даже физику знает на «отлично». Я перед отличниками по физике преклоняюсь. Потому что совершенно, совершенно не понимаю ее задачки – как их можно решить? Прочитав записку, в школе я как-то сдерживалась, а когда пришла домой, схватила свой талисман, нажала на спинку и разревелась. Посыпались из-под копытца разноцветные камушки. С недавнего времени мне стало казаться, что это мои горючие слезы.

Конечно, я понимала, что перспектив подружиться с Вилей у меня ноль. Да я вообще-то не сильно хотела! Мне он нравился как чудная картинка, и я мечтала о нем, как о журавле в небе. Понимала, что он недостижим. Я не понимала другого: зачем Кате записки писать про себя и него? И отдавать их именно тому, кому нравится Виля, то есть мне? Ответ напрашивался сам собой: чтобы сделать больно. Я и заплакала-то от обиды. Кто я такая? Кому могу понравиться? Никому.

В школе я написала ответ:

Рада за тебя, Катя.

И, не оборачиваясь, бросила через плечо перед Катиным носом.

Брелок в конфетной коробке не помещался. Лесной козел стоял на крошечных копытцах на подоконнике в моей комнате. Елисейка еще не мог до него дотянуться. Когда братишка подрастет, уберу талисман повыше. А если кто-то скажет, что это копеечная побрякушка, я обижусь и на ляпнувшего подобную чепуху долго буду коситься.

Когда мама увидела у меня коробку из-под конфет с моими нынешними «драгоценностями», она посмеялась и сказала, что я очень изобретательна:

– Ничего не скажешь, удобно – каждая вещь на своем месте. Но ведь смешно!

– Мне не смешно, – фыркнула я.

– Смотрится уж больно убого.

«Убого!» – сказала мама. Для женских украшений нужна красивая шкатулка, а не картонка из-под конфет. А мне нравится коробка. На ней изображены красные розы. Люблю розы. Даже просто нарисованные. К тому же конфеты мне подарили парни на 8 Марта. Каждой девчонке они что-то подарили на память в Международный женский день в этом, выпускном, классе. Мальчики повзрослели. Раньше они ничего не дарили. Так неужели я выброшу эту коробку? Пусть и пустую, без конфет, их мы всей семьей съели в тот же день. Да ни в жизнь не выброшу! Можно сказать, первый подарок от представителей другого пола. Мне она дороже всяких бриллиантовых шкатулок. Да, мама, да!

Когда мама рассказала мне, пятилетней, сказочку про ворону, я спросила:

– Мама, а ворона – моя сестра?

Мама засмеялась.

– Судя по тому, что любите одно и то же, вы сестры.

– А меня ведь и зовут как ворону – Вороника...

– Не Вороника, а Вероника. – Мама еще раз засмеялась и крепко-крепко меня обняла. – Вороненок ты мой глупый-глупый!

И я полюбила ворон, этих черно-серых птиц с треугольными клювами.

Места в детском саду для меня не нашлось, и каждый день мама отвозила меня к своей сестре Алине. Она не работала, и всем нравилось, что тетя Алина домохозяйка. Не только мужу тети Алины – всем удобно. Мне было хорошо у нее, она разрешала смотреть мультики, в отличие от мамы, и еще тетя Аля пекла вкусные пироги с брусникой и часто делала блинчики. Я ела их с рябиновым вареньем. Все со сметаной ели, а я выбирала варенье. Оно у меня до сих пор любимое. Оно такое... необычное. Чуть-чуть с горчинкой. Чуть-чуть, и даже еще меньше, на такое маленькое количество даже слова не придумали. Если бы не двоюродный брат Ленька, я была бы готова ночевать у тети Али и даже вообще домой не возвращаться. Такая она была добрая, мягкая, почти пушистая. А вот Ленька мне сильно досаждал. Между мной и ним была огромная разница в возрасте, мне тогда так казалось – огромная. Мне пять – ему десять, мне шесть – ему одиннадцать, ну и так далее. Ленька называл меня «ворона». Сначала мне это нравилось, ведь я думала, что ворона моя сестра. А потом я поняла, что тут что-то не вполне хорошо. Что Ленька как-то противно меня называет. Слишком громко он каркает: «Вор-р-рона!» и слишком подчеркивает звук «р». За всякий промах, когда ругать надо, а не хвалить. Что-нибудь уроню – «Ворона». Что-нибудь скажу не так – опять обзывается, споткнувшись о ковер – снова: «Ворона!» Наконец я поняла, что быть вороной, по мнению Леньки, очень плохо. И по мере того, как я росла, эта кличка становилась все обиднее. Он меня вообще достал, этот Ленька. Но что я с ним могла сделать – с большущим? У него были хитрые глаза, аккуратный школьный чубчик и вельветовые штаны. Почему-то Ленька любил вельветовые штаны. Наверное, тетя Аля покупала их потому, что они были дешевле других, а потом Ленька к ним привык. А что, классные же – не мнутся!

Зимой ближе к вечеру двоюродный брат тащил меня на прогулку. Даже если я не хотела. Тетя Аля сына поддерживала:

– Тебе, Ника, надо подышать свежим воздухом.

Естественно, гуляли мы с мальчишками. Встречались на деревянном мостике через овраг. Мальчишки – их было четверо или пятеро – показывали друг другу закачанные в телефоны клипы, фотки, слушали музыку. На телефонах музыка всегда была плоская – ненастоящая, слушать ее было скучно. Потом шли кататься на санках. Кто на круглых ледянках, кто – на обычных. Около дома тети Али был овраг, на который наступали многоэтажные дома. Перед оврагом многоэтажки резко тормозили – такие большие, просто огромные, они все-таки не могли перешагнуть овражек, и мне это казалось смешным, а овраг казался волшебным: он не пускал громадных стоглазых драконов к старым двухэтажным домишкам. На санки мы ложились пузом, и когда они набирали скорость, снежные брызги обдавали разгоряченные лица – вот было здорово! Ленькины друзья научили меня съезжать на животе. Прежде я съезжала на пятой точке – моя ровная спина была прислонена к железной спинке санок. Склоны у оврага неровные, катались не по всем, конечно, а по укатанным, наиболее удобным. И все равно мои санки всякий раз опрокидывались, а Ленькины приятели смеялись до слез. До моих слез, имею в виду. И был там один мальчишка, еще повреднее Леньки, он скатывался с противоположного края оврага именно в тот момент, когда начинала катиться я, и было страшно думать, что мы столкнемся. Я даже визжала, когда была маленькая, когда была еще Вороника. Кстати, мальчишкам Ленька так и говорил: «Ее зовут Вороника». И они меня так называли, а вредный Борька звал «вороненок». Но мы с ним ни разу не столкнулись,

потому что, лежа на животе, оказывается, можно было санками управлять. И Борька отворачивал свои санки в последний момент. И смеялся, показывая мелкие и белые, как снежинки, зубы. Именно он научил меня кататься на животе, сняв с моих санок детскую спинку.

...И вот я выросла. Ленька тоже. Всякое было у нас с моим двоюродным братцем. Часто тетя Аля уходила по своим делам – в магазины, к подругам... И тогда я испытывала то, что в армии называлось дедовщиной. Ленька заставлял меня заваривать чай, чистить вельветовые брюки, если они были запачканы на коленках, прибираться в его раздутом школьном рюкзаке, в котором чего только не было! Кроме учебников и тетрадей – засохшие кусочки хлеба, шоколада, крошки от печенья, гвозди, булавки, детали от «Лего», проволока... Все это нужно было сортировать, вытряхивать рюкзак и складывать обратно учебники и тетради. С другой кучкой отсортированных вещей Ленька разбирался сам. Иногда кузену хотелось, чтобы я лаяла и мяукала. Приезжая домой от тети Али, я часто нажимала на спинку своего талисмана, и мои слезы превращались в разноцветные камешки. Брать брелок с собой я не смела, знала, что Ленька отберет в тот же миг.

Он научил меня играть в карты. В подкидного я играю с пяти лет. А еще была такая игра, она называлась «Пьяница». Я всегда проигрывала, и Ленька больно бил меня по носу колодой карт. «Так всегда поступают с проигравшим», – объяснял он. И когда за мной заезжала мама, она удивлялась, почему у меня красный нос. И я не смела пищать и жаловаться, потому что с кем мне потом играть, если Леньку накажут и он на меня рассердится? А мне нравилось играть с ним, жестоким. И ему нравилось со мной. Когда было скучно, что ему оставалось делать? Играть со мной, мелкой. Тогда еще не были распространены компьютеры, и Интернет был не у всех, как сейчас.

А потом, когда компьютер появился – сначала у Леньки, потом у меня, – он научил меня с ним обращаться. Показал, как выходить в сеть на всякие сайты.

Когда Леньке было пятнадцать, а мне десять, он ездил на велосипеде на свидание с девчонкой. Я – с ним, сидя на багажнике. Нет, у нас были не такие уж прекрасные отношения, что он брал меня на свидания, как верного друга. Просто я должна была отвозить обратно его велик. Велосипед был с рамой, я была мала закидывать на нее ногу, и мне приходилось ехать на нем враскоряку – одну ногу просовывать под раму. Было ужасно неудобно.

Теперь мне семнадцать, а Леньке – двадцать два, он заканчивает техникум. К нему приходят парни, и если в это время случается мне быть у маминой сестры, мне тоже хочется в Ленькину комнату – поинтересоваться, о чем они говорят, и послушать музыку с дисков. Но Ленька меня прогоняет.

- Иди отсюда, Ворона!
- Ты чего так с сестрой своей? – спросил в последний раз новоприбывший парень.
- Да прикинь – все время ко мне лезет! Влюбилась, что ли? Ворона – ворона и есть.
- Зачем же ты ее так называешь?

Два года назад я каталась на лыжах в лесу. На подъезде к городу увидела двух мальчишек, рассматривающих что-то черное на снегу. Один из них тыкал в это «что-то» лыжной палкой. Приблизившись, я поняла, что на снегу перед ними лежит раненая птица. Ворона. Она била одним крылом по снегу и передвигалась буквально на несколько сантиметров. Наверное, таким образом хотела уползти, спрятаться от изуверов. Второе ее крыло совсем не работало. В следующую минуту я увидела, как тот же пацан нацелил острие лыжной палки прямо в воронью грудь, где должно быть сердце. Не знаю, что со мной случилось, только я подкатила к нему стремительно, как ракета, и толкнула его вместе с его палкой.

- Не трогай! – заорала я.
- Парнишка свалился в снег и забарахтался в сугробе.
- Ты чего-о? Ненормальная, да? – заорал он оттуда.

Я, с разгону пролетев нужное место, крикнула в ответ:

– Она живая, дурак!

Развернулась и покатила назад, к птице.

– Нет, ты правда ненормальная! Это же ворона! – Мальчишка поднялся и стал вытряхивать из рукавиц снег, с ненавистью глядя на меня. Второй его спутник стоял, разинув рот, не зная, что предпринять.

– Живая! – снова крикнула я.

Потом воткнула в снег лыжные палки и подняла раненую птицу. Глаза у нее уже покрывались синей пленкой. Но она была живая, я услышала слабый гортанный звук.

Я положила ее в свою лыжную шапочку и взяла с собой. Ничего эти парни мне не сделали, наверное, потому что были младше. Смотрели только вслед, вылупив глаза. Меня трясло всю дорогу. Я шла с непокрытой головой до автобуса и от него до дома. Я даже простыла тогда.

Это же ворона! Ужасно! Не понимаю, как можно делить живых существ на людей, животных, птиц... Все живое испытывает боль. Вот того бы парня самого так – лыжной палкой, острием...

Я отвезла птицу к нам на станцию юннатов. Я хожу туда с пятого класса. Мы ее вылечили. Она до сих пор живет на станции, ворона Галя. И очень любит, когда дети, приходящие на станцию на экскурсию, разбрасывают блестящие конфетные обертки. Собирает их к себе в гнездо, которое устроила на ветках сухой березки, – деревце стоит у нас в зале, в углу. Его привезли из лесу специально для Гали.

Я почувствовала себя такой же раненой вороной, когда меня Ленька обозвал перед своими приятелями. Шла домой и глотала слезы от обиды.

Я вспоминала, как этот новоприбывший на меня поглядел – не то чтобы он меня пожалел, но взгляд у него был сочувственный. Теплый. Он такой невысокий, коренастый. Глаза большие, темные.

Не знаю, как его зовут.

Неужели он с Ленькой будет дружить?

Лучше бы со мной подружился.

Потому что, хотя мне и нравится Виля Вельс, я не прочь подружиться с любым парнем, ровесником или постарше. Потому что Виля мне нравится как красивый киноактер, я уже говорила, ну например, как Леонардо Ди Каприо. Я ведь не льщу себе надеждой, что Ди Каприо познакомится со мной и в меня влюбится.

На улице конец марта. Последний школьный снег тает со страшной силой. Почему снег «последний школьный»? Потому что скоро у нас последний звонок, выпускные экзамены. В июне – выпускной вечер. И все. Я закончу школу. В нашем классе все пронизано этими недалекими в будущем событиями. Ничего другого больше не существует. «Последний звонок», «ЕГЭ», «выпускной» – ключевые слова.

Я живу на шестом этаже. В нашем доме умудрилось поселиться пять человек из нашего класса. Двое вообще в нашем подъезде. Думаете, мы дружим? Нет. На пятом, прямо под нами, живет Папуас. Так мы прозвали Кольку Лемешева за то, что он почти в любую погоду ходит в школе в растянутых футболках и бандане. Только в самые крутые морозы переодевается в толстовку. Интересно, как он на выпускной вечер придет? Ему бы очень подошла юбочка из пальмовых листьев и перья на голове. А под Колькой Папуасом живет еще один одноклассник – Витек Кетов по прозвищу Кед. Он почему-то девчонок не любит и со мной даже не всегда здоровается. И везде говорит, что не существует любви. На двадцать третье

февраля мы с девчонками подарили ему книжку про любовь, так он разделался с ней как тузик с грелкой – всю изорвал и выкинул в урну. И снова сказал, что любви не существует. Он даже не сказал это, а продекламировал, как артист: «Любви нет, девки», только что на стул не вскарабкался. Мне его жаль.

Мы живем в районе новых многоэтажек. В их центре воткнута школа. Так что все одноклассники живут от нее буквально в двух шагах.

На улице установилась теплая погода, и мой балкончик открыт. Дорога, где грохочут машины, от нас далеко, мы в глубине двора, так что тут относительно тихо. И детских голосов не слышно – сейчас дети редко играют на воздухе. Мама рассказывала, что в детстве их с улицы трудно было загнать домой, а сейчас наоборот – попробуй кого-нибудь из дому выгони. Все прилипли к компьютерам.

И тут я услышала, как на балконе под нашим кто-то громко задышал. Жутко громко. Вздохи были неравномерные, болезненные. Я сидела за компом, просматривала сайт, посвященный ЕГЭ по русскому, – очень полезный, между прочим, и слушала это дыхание с огромным сочувствием к больному. Было жалко того, кто вышел подышать воздухом на балкон: легкие у человека, наверное, вообще дырявые. Кто бы это мог быть? Насколько я знала, старых людей там не проживало. Мама-папа Кольки Лемешева были на вид вполне здоровые. Может, бабушка из деревни приехала? Больной дышал таким образом очень долго. Иногда между вдохами проходила целая вечность. И было странно, что человек еще не умер там у себя на балконе. Я не выдержала, вышла наружу, перевесилась через перила и посмотрела на соседский балкон.

Ха-ха! Умиравший был не кто иной, как Колька Папуас. Нет, дышал не он, и даже вовсе не человек. Если бы в самом деле умирал Колька, стала бы я смеяться? Я бы вызвала «Скорую»! Папуас вообще был сильно здоровый. Никаким фитнесом не занимался – я точно знала, а бицепсы у него – ого-го! Как у тяжелоатлета. А дышал так по-больному не он и вообще никто, как я уже сказала, а просто-напросто литровая бутылка из-под воды. Она курила. Да! Именно! Колька сделал в крышке отверстие, всунул туда сигарету, зажег ее и надавливал на бока бутылки. Господи, как будто он шестиклассник! Бутылка с шумом «выдыхала» воздух, и на кончике сигареты вспыхивал огонек. Потом Папуас силился округлить бутылку, но вдыхала она гораздо хуже, отсюда и «болезненное дыхание». Вообще, бутылке курить явно не нравилось. Колька разозлился и кинул неудачницу во двор вместе с сигаретой.

– Эй, Папуас! – крикнула я. – Бегом во двор, мусор поднимать!

– Ага! – воскликнул Колька, подняв на меня лохматую голову. – Разбежался! Сейчас! Прямо с балкона прыгну, ласточкой! Хочешь?

– Конечно, хочу, а как ты думал! Давай!

– Фига не хочешь, Дымова?

У него даже жаргон шестиклассника!

Да уж, поднимет он. Придется самой поднимать и в мусорный контейнер выбрасывать.

Аким

Когда я был маленький, я не думал, что мальчики и девочки чем-то друг от друга отличаются.

Я считал: если родители хотят, чтобы у них была девчонка, они просто надевают на ребенка платьице и не водят в парикмахерскую. А если хотят парнишку, то, наоборот, коротко стригут и надевают шорты.

Детский сад я не посещал. И однажды зашел домой с прогулки и заявил, что завтра я хочу быть девочкой, потому что Маринка со мной не играет, и попросил маму дать мне завтра платье, а как там дальше – посмотрим. Если мне понравится девочкой быть, так навсегда и останусь. И еще, добавил я, пусть меня зовут как-нибудь по-девчачьи, и я хотел бы называться вообще-то Машенькой.

И тут папа резво убежал в кухню и стал там беззвучно трястись от смеха, а мама сказала, что им не нужно никакой Машеньки, а нужен именно Аким Зимин, и никаких вообще платьев.

Тогда я тоже убежал в кухню и рядом со смеющимся папой стал горько плакать, потому что очень хотел играть с Маринкой, а она с мальчиками не дружила.

Когда мама рассказала мне эту историю из моего древнего детства, я хохотал. Потому что, понятное дело, сейчас-то я совсем не хочу быть девчонкой. Правда, с некоторых пор мне хочется с кем-то из них дружить, как вот тогда с Маринкой, но это уже другая песня. Тогда мне хотелось дружить как девочка с девочкой, а теперь мне хочется тусить с девчонкой как нормальному парню. Я сейчас об этом вообще часто размышляю. И присматриваюсь к нашим девушкам в классе. На какую из них обращают внимание парни? Ну, во-первых, на Наташку Круглову. Но обращать сильное внимание на Круглову – занятие тупое. Наташка занята и вполне довольна судьбой: у них сложившаяся пара со Славкой Красильниковым. И мне совсем не хотелось эту пару разбивать, да я бы и не смог – не тот коленкор у меня: Славик – смуглый и высокий красавец, у меня же в плюсе только рост, а до красавца мне как до спутника Марса.

Обращают внимание на Катерину Стрекалову. Тоже симпатяга. Тоненькая, как тростинка. Но тоже занята, с Вилькой Вельсом стала тусоваться. Да что такое! Как девочка посимпатичнее, так на нее уже планы у парней.

И тут я увлекся киноискусством. Это случайно получилось: подсел на ретрофильмы. У мамы со школьных лет остались видеокассеты и старый видик. Однажды ей захотелось вспомнить юность, и она поставила «Сто дней после детства». И я совершенно случайно присоседился к маме на диванчик. Картина была в кайф, такая красивая, реально художественная. И про любовь, а говорили, в Советском Союзе фильмы про подростковую любовь не снимали. Вот неправда! И я стал крутить все подряд, что у мамы было: «Доживем до понедельника», «Розыгрыш», «Чужие письма». Классные же киношки! Сильно наивные, но это пусть. Я пожалел, что современных фильмов про наш возраст не снимают. В кинотеатрах их нет. Фильмы по телику идут про милицию-полицию-тюрьму, как будто общество разделилось на сыщиков и преступников и других категорий людей больше не существует. А ведь это лажа! Среди моих знакомых взрослых нет ни одного сыщика или бандита. Еще по телику крутили сильно запутанные любовные сериалы, в которых кто-то обязательно кому-то изменял: жена – мужу или наоборот. Меня это тоже не прельщало. Как будто нормальной семьи не бывает! Наша – пример, не надо далеко бегать. Образцовая вообще семейка. Папенций до сих пор маму на руках носит.

Современный ящик – отстой полный.

Мне в кайф все про свой возраст: книги, фильмы, рэп. Я не люблю энциклопедии и познавательные книги – ну, я их, конечно, просматриваю, но они меня не увлекают так, как нашего Митьку Алешина, который в них потонул, одна макушка торчит. Может быть, я инфантильный какой, но, по моему мнению, я – в норме, без отклонений. Ну вот. Я посмотрел мамину киноколлекцию и удивился, какие же фильмы классные делались в советское время. Почему же про нынешних ребят ничего не снимают? Что, ребята стали хуже? Да нет же, мы стали лучше, и жизнь у нас как-то порезвее: мобильники, иномарки, компьютеры, заграница... Я стал искать фильмы в онлайн про наш возраст и нашел только один – «КостяНика». Только один, прикиньте! А потом мне попался снова старый фильм – «Вам и не снилось». Мне и не снилось, что эти два фильма меня изменят и решат мою дальнейшую судьбу. Особенно «Вам и не снилось» меня добил.

Герой фильма Ромка оставил однокласснице Тане магнитофонную запись, и она слушает его голос: «Слепуха моя, как хорошо, что ты маленькая». Ромкина девчонка была самая крошечная в классе, а еще она носила тупые очки. И вообще героиня фильма, по моему мнению, была так себе девушкой. А Ромка на нее запал. И меня вдруг пронзила мысль – именно пронзила, навывлет, как стрела: почему я, Аким Зимин, и другие парни обращаем внимание только на симпатичных девчонок? И говорим между собой только о таких, а незаметных не замечаем. Конечно, их потому и не замечают, что они незаметные. Но ведь они тоже люди и тоже ждут внимания! Почему до этого никто не додумался?

Перед сном, когда в голову лезут самые важные за день мысли, я стал думать о фильме и вспоминать одноклассниц. Начал с первой парты. Вспоминал девчоночье личико и размышлял: красивая эта девушка или нет? Я вдруг решил с кем-нибудь из девчонок зафрендить, но выбор свой остановить на той однокласснице, которая была для всех незаметна. Словом, мне захотелось проявить благородство и осчастливить дружбой с собой некрасивую девушку.

Первая парта у окна в нашем классе свободная.

На второй сидит та самая Наташка Круглова.

Наташка почему-то всегда вспоминается первой, даже и парта ни при чем. Чуть что – сразу думаешь о Наташке, звезде первой величины. Какая у нее шея! Просто лебединая. А глаза? Прочь, видение, прочь, она сейчас побоку...

Далее идет Катя Стрекалова... О ней мы уже упоминали. Гоним дальше...

Вот длинная нескладная Геля Титова. Боевая девчонка, и парни ее уважают. А на дискотеках Геля всегда в тени. С девчонками не танцует, а парни не приглашают. Наверно, потому, что нескладная, фигура у нее совсем еще подростковая, одни углы. Нам, парням, это как-то не в кайф... Личико у Гели обычное, круглое, глаза небольшие, нос чуть широковат. Непримечательное лицо, но разве Геля в этом виновата? А ведь нормальная девчонка, что ни попросишь – сделает. Сколько раз ребята просили ее подежурить вместо них – она хоть раз отказала? И меня, было дело, выручала. У кого есть запасная ручка? Всегда у Гели. У кого можно телефон выклянчить и попросить позвонить, если свой дома забыл? У нее.

Далее скажем... Саша Пеночкина и Надя Воробьева. О, у подруг даже фамилии птички, только сейчас заметил. Саша хорошенькая, она Митьке Алешину нравится, нашему супермену-книжнику. Так что оставим будущую пару в покое. Надя... О ней мне думать не хочется. Она толстая. Я понимаю, она не виновата в этом. А может, и виновата? Может, кушает много? Но даже и не это главное, Надька – жуткая язва. Попади к ней на язычок – мало не покажется: съест. (И еще больше растолстеет, ха-ха!) Так, мимо, мимо, по течению...

Лада Данилова. Маленького роста, как Таня в фильме «Вам и не снилось». Носик у нее остренький, ножки мускулистые, голосок как у птички: «Пи-пи-пи, чик-чи-рик...» Мимо, мимо... Эля Устинова. Худая как щепка, с бледным, в веснушках, лицом. С причудами. Посреди любого урока вдруг как заревет и резво выскочит из класса. Может, у нее дома что-то не ладится? Надо бы у девчонок поспрашивать... Лизка Звездина. Плоская как доска.

Я «прошелся» по всем девчонкам и понял, что в нашем классе незаметных гораздо больше, чем тех, о которых говорят парни, с кем дружат, кого приглашают на дискотеках. Больше, оказывается, их – незаметных! Вот так!

Решимость подружиться с незаметной девчонкой во мне укрепилась. Пусть хоть одна из таких незаметных будет счастлива. Я точно смогу ее осчастливить. Я хороший! (И скромный, а как же!) Не отличник и не спортсмен, хотя спорт люблю. Но я парень. И хочу дружить с девушкой. Время пришло. А о том, что все девчонки на свете мечтают подружиться с каким-нибудь мачо, мы с парнями еще в восьмом классе в бурных спорах выяснили.

Всех перебрал? Никого не забыл? Стоп! А Наташка-то с кем сидит? С Вероникой Дымовой. С красавицей? Нет. Незаметной? Да! Вот ведь, пропустил. Наташка потому что всех затмевает. Итак, Дымова. Невысокая. Небольшой носик, губы яркие. Глаза... глаза, кажется, голубые? Или зеленые? Нет, я не знаю, какие у Вероники глаза. Парни не обращают на нее внимания. Может, и зря. Правда, Вероничка сама виновата: до сих пор волосы в косы заплетает и цепляет их по бокам головы. Этакие еловые шишки... Несовременно. Может, эта привычка отбрасывает Нику за барьер привлекательности.

Она умная, особенно от биологии тащится. Со всякими пестиками-тычинками возится. Для меня, например, безразлично – есть в нашем классе цветы на подоконниках или нет. Я их не замечаю. А она ткнет пальцем землю в горшке: «Ах, пустыня!» – и бегом поливать. Не только в нашем классе – в любом помещении. Чужих цветов для нее не существует. У нее для этого заготовлена в рюкзаке пластиковая бутылка из-под воды. Кран в каждом классе есть. Наберет воды: буль-буль, пей, цветочек! Кажется, она до сих пор бежит на станцию юннатов – в ее-то годы! Что поделаешь – страсть. Я вот, например, люблю машины и не могу же их разлюбить только потому, что мне восемнадцать стукнуло. Наоборот! Сейчас-то и наступает время практической к ним любви! Жду не дожусь, когда мне купят какой-нибудь драндулет. Папенций обещал.

На следующий день я зашел в класс и сразу посмотрел на Дымову. Она сидела на своем месте и зубрила физику. Ушки с шишками прикрыла ладонями, чтобы не мешал окружающий шумный мир. И вдруг... гля, ребята, да она – симпатяга! Точняк! Или мне показалось? Цвет лица красивый. А глаза? Какого цвета глаза? Дымова, подыми глазки... покажи личико... Не поддается гипнозу. Ладно, потом гляну, куда торопиться? А то, что симпатяга, – да точно! Куда мы с парнями раньше смотрели? А ведь я обещал самому себе, что выберу незаметную девушку – не уродину, конечно, не такой уж я извращенец, но несимпатичную, по крайней мере. Что ж, значит, Вероничка Дымова мне не подходит? Но менять объект уже как-то не хочется – я уже к Дымовой привык, то есть я привык к мысли о ней. О'кей, я за Никой несколько дней понаблюдаю. Ну а там – «будем посмотреть», как говорит папенций.

В первый день я ничего не понял. Но выяснил, что глаза у нее точно голубые. Ярко-голубые. Весенне-голубые. А все остальное до того обычное, внимания не на чем остановить. Вот она судачит с одноклассницами. Улыбаясь, что-то рассказывает, почти не жестикулируя. На ней безрукавка поверх тонкого белого джемпера, руки она прячет под безрукавку у плеч. Мерзнет, что ли? Кровь плохо греет? Когда другие девчонки над чем-то смеялись, она улыбалась. Хорошо! Я не люблю хохотушек. Отчего-то не люблю, да и все. Мне нравится сдержанный нордический характер. Наверно, потому что сам смеюсь за двоих.

На последней перемене я хотел подойти к Нике, пригласить в кино или погулять просто так. На улице – хорошая, добрая, без слез, то бишь дождя, весна. Снег весь утек. Поскакали бы в парк, зашли бы в кафешку... Я ходил кругами и квадратами вокруг Дымовой и не посмел пригласить. Вдруг меня робость сковала. Никогда не был робким, и вдруг... Мне вот что пришло в голову: а что она подумает? Ни с того ни с сего – Зимин в кино приглашает... Да с ходу откажет! Еще и ногой топнет: «Нет!» Терпеть не могу, когда отказывают. Я задумался.

мался: а хочу ли я ее пригласить? Хочу? Серьезно? Да нет же у меня особого желания! А что парни подумают? Ни с того ни с сего Дымку в киношку зовет. Что это с Зимой? Ладно, повременю. Поработаю наблюдателем... Мой объект (субъект правильнее) прямо по курсу – я на последней парте сижу. Далеко гляжу... «Субъект Дымова» – смешно. «Шпион Зимин» – еще смешнее!

...За дни наблюдений я вдруг открыл, что эта девчонка удивительно следит за собой. Потому удивительно, что эта аккуратность раньше никогда не бросалась в глаза. У нее с собой всегда белый носовой платочек. С кружавчиками по краям. Чистюля, блин! Я в столовой видел и сегодня, и вчера, и позавчера. Черт, а это как-то привлекает внимание. У девчонок платочек вроде бы всегда должен присутствовать, но у других я не видел, чесслово. В столовой девчонки влажными салфетками пользовались. У Дымовой светлые джемпера, а если кофточки под безрукавками, то тоже белые. Безрукавок было две. Одна с узорами синяя – под цвет глаз, другая – в красно-белую узкую полоску. Я, конечно, не очень-то в шмотках разбираюсь, но понял, что Дымова одевается со вкусом.

На парней она – ноль внимания. По-моему, они для нее вообще не существуют. Это нужно как-то менять. Да что такое! Ведь нам по семнадцать! Пардон, мне уже восемнадцать, я в школу с семи лет пошел. Я вообще самый из всех старший, и даже старый. Поэтому в институт мне нужно обязательно в этот год пробиваться. Как-то не хочется со школьной скамьи сразу в армию прыгать.

...Я улынулся Дымовой на перемене. Встретил в коридоре и изобразил улыбку. Да еще и подмигнул! Она удивленно вскинула глаза: в чем дело? Да, точно, я снова заметил: голубые! Резко голубые! Резко яркие. Она не улыбнулась в ответ, увела взгляд в сторону. Интересно, что при этом подумала? Да ничего она не подумала! Я для нее – пустое место! Как-то это меня даже задело. Как раз мимо меня прошли Наташка со Славиком. Они из буфета возвращались, всегда туда вместе бегают, как семейная пара. У подоконника о чем-то болтали Виля с Катей Стрекаловой. В классе склонились над общим учебником Вадим Разманов с Викой Тирановой. И так мне захотелось с кем-нибудь в буфет вместе бегать, у подоконника болтать, книжку читать общую – я аж зубами заскрипел.

Сидя на последней парте, удобно наблюдать за всеми. Раньше, когда Нику вызывали к доске, я и не думал ее слушать, а теперь стал интересоваться. И что? Вероника отвечала негромко, иной раз приходилось локатор в ее сторону поворачивать, чтобы услышать.

Ответ как ответ. Все правильно, как в учебнике. Никаких своих слов, своих мыслей, эмоций.

Я даже стал думать, что выбрал не тот субъект. Скучная какая-то девушка. Скучная и правильная. Я сильно правильных не люблю. Потому что сам не очень правильный. Не очень серьезный. Часто хихикаю. От учителей я слышу чаще всего просьбу: «Аким! Будь серьезней!» Люблю разные приколы. Если учительница по ли-тре просит прочесть «Старуху Изергиль» Горького, могу спросить: «Из чего старуха?» Я люблю, чтобы ребята поржали... Да, снова о Дымовой. Чтобы оправдать свое отступление от этого «субъекта», я даже решил, что она недостаточно незаметна. А как распустит волосы по плечам, становится вообще резко привлекательной. Может быть, даже красивой. Я обрадовался, что не пригласил ее в кино.

И на всякий случай стал приглядываться к другим девчонкам в классе.

Но... ни к Лизке Звездиной, плоской как доска, ни к Ладе Даниловой с мускулистыми ногами меня ну никак не тянуло. Да, они супернезаметные, и если я поставил себе целью подружиться с такой – вот же, дружись, осчастливливай! Но ни малейшего желания не было. Я предательски отворачивался и от Лизы, и от Лады.

А может, я просто схитрил? И выбрал себе все же симпатичную девушку? Ладно, может, Ника и симпатичная (почему же этого тогда никто не видит?), главное, что я к ней

уже не совсем равнодушен. Но еще не влюблен. Наверное, нельзя заставить себя влюбиться. Это должно произойти не просто так. Должна быть вспышка!

Вероника

Я никогда не смотрюсь в зеркало. Почему? Не знаю. А, вот почему, вспомнила! Это опять же из глубокого детства. Раньше, стоило мне подойти к зеркалу, чтобы посмотреться, тут же за моей спиной, как чертик, вырастал Ленька и начинал кривляться:

– Кращивая, кращивая...

Он нарочно шепелявил, чтобы я лучше поняла, какая я на самом деле «красивая».

Я сразу краснела и отходила. Мне становилось стыдно, что я решила на себя полюбоваться. И это Ленькино шепелявое «кращивая» говорило о том, что мне ли любоваться собой? Надо было понимать наоборот: ты – уродина, и любоваться смешно.

Так что меня от зеркала двоюродный братец отучил. Теперь я к нему вообще не подхожу. К зеркалу, не к Леньке. Да и к Леньке тоже. Зачем он мне нужен? А зеркало нужно, конечно, но теперь мы с ним антагонисты. Так, где-нибудь мельком в школе гляну на себя и только расстроюсь. Ничего особенного во мне нет. Абсолютно. Лицо как лицо. Ленька недаром всегда издевательски смеялся.

Вот Наташка Круглова из нашего класса – да-а! Красавица. Волосы светло-русые, даже какие-то серебряные, ну необычного цвета, неземного, я бы сказала. А глаза у нее как тополиные листья, зеленые и большущие. Так и хочется в них смотреть и смотреть. Славка Красильников так и делает – смотрит в них, смотрит, скоро совсем в Наташкиных глазах потонет. Он в Наташку, понятное дело, влюблен. В нее все влюблены. Мальчишки даже свой рок-оркестр так называли – «НАТАША». Прикольно? Нет, хорошо, мне нравится. Потому что красота спасет мир, как говорил далекий классик.

А я – так себе. Кто в меня влюбится-то? В уточку серую.

Кстати сказать, Наташа – моя подруга, и мы сидим за партой вместе вот уже третий год.

На улице апрель. Солнце греет как сумасшедшее. Куртку приходится расстегивать, когда возвращаешься из школы домой. Когда в школу идешь – наоборот, съезживаешься, как почка на дереве, дуба даешь. А после школы дело другое: весь открываешься, расширяешься (тела от тепла расширяются – на физике учили), хочется петь, смеяться, тормошить кого-нибудь, а еще хочется познакомиться с парнем. Пусть даже взрослым. И чтобы мы с ним гуляли, ходили везде вместе и потом – да-да! – влюбились друг в друга.

По выходным, когда меня не забирают в деревню работать на огороде, я хожу по городу и ищу такого парня.

Просто хожу и ищу, смотрю на всех встречных парней и иногда ловлю на себе удивленный взгляд: чего ты на меня вытаращилась?

У меня не получается найти. Да сейчас долго и не разгуляешься: скоро ЕГЭ. Готовлюсь. Нас уже всех запугали этим ЕГЭ. После уроков почти каждый день консультации.

А в нашем классе интересных парней нет. Все маленькие. Я не рост имею в виду. По росту-то они все ого-го – вышки! Какие-то они инфантильные. Дети.

Один на меня сегодня поглядел. Улыбнулся и подмигнул ни с того ни с сего. Ну что тут скажешь? Ребенок!

Аким

Вспышки все не было и не было.

Я уже совсем было хотел махнуть на Веронику рукой и присмотреть себе другую девушку. Если ни на грамм к Дымовой не тянуло, не было даже крошечной искры зажигания. Но тут произошел один случай.

Выпускников пригласили на концерт, посвященный Дню Победы, в районный Дом культуры. Понятно, какой там был настрой: праздничный и еще патриотичный. Ну, я последнего слова не люблю, потому что это чувство и так понятно, без слов. Невозможно было без сочувствия смотреть на старых ветеранов, когда им дарили очередные медали, подарки и цветы. Каждый из них, выходя на сцену, пытался приободриться, но, как они ни пыжились, время все равно выплывало на их лицах, выпирало из всех костюмов. Одного старичка я знал, у него нога на протезе, он всегда хромал, когда шел по улице с палкой. А тут вышел – сам как трухлявое дерево, а не хромал и палку где-то в кулисах спрятал! Представляю, чего ему это стоило. Вся грудь в орденах, и ему еще какую-то медаль прицепили. И еще одна женщина запомнилась – восемьдесят восемь лет, маленькая, сухонькая, как жухлый осенний лист, а частушки горланила так, что всем захотелось пуститься в пляс.

Песни на концерте пели не только про войну, но и про весну, про любовь. Да про войну-то ветеранам, наверное, уже тошно слушать. Наслушались, надышались в молодости и вообще. Ненавижу я эту войну. А в детстве любил всяких солдатиков, трансформеров с накачанными бицепсами, с пистолетами-автоматами в лапах. Ну вот. Песни, танцы, ордена... Ника сидит в десятом ряду с девчонками, а я – в одиннадцатом с парнями.

Один ветеран, участвовавший в войне совсем пацаном, был поэтом. Он прочел свои стихи. Но так как и он был уже сильно в годах, ему разрешили прочесть их не со сцены, а с места. Он сидел в первом ряду, а как дали слово, поднялся, взял микрофон, повернулся лицом к залу и прочел. Стихи классные. Личные и в то же время о Родине. От таких стихов больше тащишься, чем когда просто о Родине пишут. Поэт-ветеран отдал микрофон ведущей, а сам остался стоять, повернулся только лицом к сцене – там уже танец исполняли. Поэт был горбатый, седые волнистые волосы спадали на плечи. Он был даже чуть-чуть симпатичный, хотя все эти старики такие древние, что симпатичными их уже трудно назвать. Сморщенные, как печеные яблоки. Поэт стоял. Голова у него тряслась. Никто не понимал, чего он, думали – ну так удобней, стоит и стоит, уже внимание на него никто не обращает, а я смотрю, и мне жутко не в кайф. Хотелось подойти к нему и посадить в кресло. Мне казалось, что ему просто трудно сесть. Но я трусил. Ведь сидел в одиннадцатом ряду и надо было пройти ползала – и все на тебя будут пялиться как на дурака и думать: зачем ты идешь, зачем встал, кто ты такой вообще и что у тебя на уме?

И вот, пока я так своим кочаном думал, с десятого ряда поднялась Вероника и направилась к этому деду. Прошла через весь зал, и все на нее смотрели, в точности как я себе представлял. Подошла к старику, улыбнулась, взяла его за обе руки и усадила на место.

И зал вздохнул облегченно. Оказывается, все, глядя на него, испытывали неловкость, не только я. А Ника спокойно пошла на свое место, и теперь на нее смотрели не как на дурочку, а как на человека, исполнившего свой долг.

Дымова поднялась в моих глазах. Я смотрел на нее с сильно возросшим уважением, когда она возвращалась в свой десятый.

Вероника

Концерт был неплохой, даже нам понравился (нам попробуй угоди!), а ветеранам-то уж конечно, они от всякого к ним внимания просто млеют, потому что внимания уже мало осталось. У всех своя жизнь, никому до них в будние дни и дела нет, а у них свои мысли и воспоминания.

Один старичок после того, как рассказал у сцены стихи, не мог сесть на свое место в первом ряду. И было страшно неудобно смотреть, как он стоит с трясущейся седой головой. Я все надеялась, что соседи по ряду помогут ему. Но никто не проявлял инициативы. Наверное, все думали, что ему и так хорошо. А я же видела, что ему неудобно. А мне идти через весь зал, мы в десятом ряду сидели. Я так и не дождалась, что ему кто-то поможет, и, дрожа от страха, поднялась, прошла к нему через весь зал и посадила. И сразу все успокоились, по залу вздох облегчения прошелестел. А когда я садилась на свое место, то встретила взглядом со своим одноклассником Акимом – он смотрел на меня... как бы это сказать. Не с восхищением, конечно, чем тут восхищаться, а с благодарностью, что ли. Как будто он сам хотел то же самое сделать, но я его опередила, и он меня за это благодарил взглядом. Вообще я уже несколько раз встречала в классе взгляды этого парня. Кимка обыкновенный. Высокий, любит на уроках похохмить. Больше ничего не могу о нем сказать. Но все-таки было странно, что он на меня посмотрел. Странно и... приятно. Ну, все, конечно, на меня смотрят, никто парням не запрещал, но все так – скользнут взглядом, и все. Это длится какое-то мгновение. А Зимин не мгновение, а долго на меня пялился. Может быть, мне показалось?

Поздним вечером в субботу мы поехали на дачу. Она у нас в заброшенной деревне. Конечно, нужно было готовиться к экзаменам, но мама сказала, что хорошо бы мне поменять обстановку, если я все время буду зубрить, то просто свихнусь.

– И вообще, Ника, посадочный сезон. Каждый должен поработать на грядках. Хоть немножко. Бабушка уже там целую неделю пашет, надо помочь.

Весна в полном цвету. Земля просохла. На клумбе около деревенского дома выпустил стрелу первый нарцисс. Желтый пухлый острый наконечник стрелы пронзил землю, нацелился в небо. Сквозь полупрозрачные стенки наконечника угадывается прекрасный цветок. Вот-вот он раскроет сердце. Нарциссы всегда распускаются ко Дню Победы. А следом за ними – тюльпаны. Как я люблю цветы!

Но главное – зацвела черемуха! Это такая прелесть, что не передать словами. Вся деревня потонула в белом цвету. И так его много, на деревьях – целые душистые сугробы, а если по отдельности цветок рассматривать – это удлиненный ажурный фонарик, состоящий из еще более мелких цветочков. И запах... сладкий и в то же время терпкий, который ни с чем не спутаешь. По-английски черемуха называется *birdcherry* – птичья вишня, вот она такая же красивая, как вишня, а цветет, может быть, еще и лучше. Ну так вот, сейчас нас окружает белая кипень черемухи, над нами летают белые чайки – рядом с нашим домом река, – и плывут по небу белые облака. Просто рай!

Я привезла в клетке ворону Галю. Что-то затосковала птица на нашей юннатской станции. Сядет на подоконник и грустит. Иногда клювом по стеклу тактично постучит: «Тук-тук! Пустите!» Мы с руководительницей Тамарой Георгиевной посоветовались и решили, что если Галя хочет улететь на волю – так тому и быть. Пусть живет на свободе, а не на засохшей березке в юннатском зале.

Выпускали Галю с Елисейкой. Это было так. Поставили клетку на землю. Открыли. Галя подошла к дверце, высунула голову и, казалось, принялась, хотя я не знаю – как там у птиц с нюхом. Но ведь цвела черемуха! Мне показалось, Гале тоже понравился запах.

Она ступила на землю раз, другой, посверлила нас с Елисейкой черным блестящим глазом, замахала крыльями и взлетела.

– Пока, Галя! – закричала я. – Не забывай своих!

– Типка, типка! Пока! – закричал вслед за мной Елисейка и восторженно захлопал в ладоши. – Улетела!

Всех птичек брат называет «типками».

Галя, то опускаясь, то поднимаясь, неуклюже летела над землей, осторожно испытывая свои вороньи силы. Иногда ее заносило то вправо, то влево. Ей приходилось вспоминать, что она – птица. Да и то сказать: удивительно, как она вообще не стала инвалидкой после того, как над ней поизмывались мальчишки с лыжными палками. Поняв, что с крыльями у нее все в порядке, ворона взлетела на верхушку высокой цветущей черемухи и оттуда что-то радостно прокаркала. Может быть, «спасибо»?

– Пожалуйста! – на всякий случай крикнула я.

Я люблю бывать в деревне Волки. Да, так она называется. Наверное, в прошлом тут водилось множество волков. Недалеко от нашего дома река. С другой стороны холмы, с третьей – гора, из-за которой в моем ноутбуке не работает Интернет и часто не ловит мобильник. Потому что большая часть села и телефонная вышка за этой мощной горой. А у нас – отросточек деревни у реки, можно сказать – волчий хвост. Холмы утыканы деревенскими домиками, маленькими, бревенчатыми. Они черного, от времени, цвета. Раньше это было большое село с большим совхозом, но в девяностых годах прошлого века все разрушилось. Молодые жители разъехались, потому что работать стало нигде. Остались только старушки, такие же древние и сторбленные, как домики. Сельчане уехали в город, а горожане выкупили у них дома под дачи. Потому что место было чудо как хорошо, а в домиках можно было по выходным нормально жить. Некоторые разобрали избышки и построили на их месте современные дома-дворцы. Мы тоже так когда-нибудь сделаем, папа обещает, но когда это еще будет? Пока у нас нет возможности построить здесь новый дом. Родители только недавно погасили кредит за городскую квартиру.

Мы уложили Елисейку спать и вышли на улицу. Ночи стояли уже вполне белые, волшебные. За рекой заливались соловьи. Папа разжег костер и сидел около него, подбрасывая мусор и сухие ветки. Бабушка читала в доме свежую прессу, которую мы привезли из города. Мы с мамой спустились к реке, поближе к соловьиным трелям. Вот они заливались! Просто сходили с ума. Мама сказала, что северные соловьи называются варакушами.

– Славно поют варакуши, – сказала мама.

– Мам, ну зачем ты сказала? «Варакуши» какие-то. Некрасиво же. Пусть лучше будут просто «северные соловьи».

– Хорошо, малыш, – согласилась мама, – пусть будут соловьи, а про варакуш мы не хотим знать. Точно?

– Точно! – Я засмеялась и подкинула мамину руку к небу.

Обратно мы с мамой шли взявшись за руки, как самые близкие подруги.

Славно погуляли. Комары еще не родились. Эти мелкие твари здорово портят настроение при такой красоте. А мы этой красотой наслаждались. И насладились вполне. Вернулись наполненные соловьиным пением, белой ночью, запахом белых черемух, которые в белой ночи стали еще чудеснее.

Бабушка, Елисейка и даже папа спали. Кот Марус встретил нас на крыльце, словно он всех сторожил. Потерял о мамины ноги, доложил, что пост сдает, а сам отправляется на охоту. Именно так я поняла его двойное «ма-ау, ма-ау».

Утро было, как бабушка, доброе. Солнце терло щеки ватными дисками облаков, заставляя себя хорошенько проснуться. Пели какие-то пичужки, но соловьев не было слышно. Они за рекой, в кустах ивняка. Да какие, блин, соловьи! Они же ночью распевают, а днем отсыпаются. Сейчас к дому с разных концов света подлетали скворцы. Вернее, два скворца, семейная пара. Тут у нас под крышей старый скворечник. Иногда было слышно, как там орали птенцы. Скворчиные родители, то один, то другой, ныряли туда вниз головой с червяком в клюве. В скворечнике слышалась возня, мать или отец вылетали оттуда потрепанными – видно, им доставалось от орущих, вечно голодных детей, – и снова летели на поиски добычи. Кошмар... Во жизнь! Летают туда-сюда. Как они так быстро червей находят?

Люблю наблюдать за природой. За цветами, птицами. Вот мои любимые вороны. Садятся на ветки цветущих черемух и, склонив головы набок, пристально наблюдают за нашим двором: что-нибудь тут появилось новенького? Не потеряли ли мы, случайно, брошек, блестящих пробок, флакончиков от духов? Где-то среди этой вороньей компании сидит и наша знакомая Галя. На всякий случай я ей помахала рукой:

– Галя, привет!

Мама потащила нас на причастие в церковь. Я не могу сказать, что мы или даже мама сильно верующие. Но в деревенскую церковь ходим всегда. Елисейка капризничал, ему дали поесть – он маленький, ему можно, а мне перед причастием ни-ни. Бабушка по этому поводу собралась было поворчать, но мама так на нее посмотрела, что бабушка сразу передумала, замолчала, успев сказать только одну фразу: «Дайте Нике хоть молока, что ли...» Но нельзя. Мне уже и на исповедь нужно. Я взрослая. Скоро, после выпускного, статус взрослой будет у меня официальным.

На исповеди я покаялась в том, что кричу на брата, злюсь на родителей, мало готовлюсь к ЕГЭ, не думаю, куда поступать после школы, мало помогаю маме. Много грехов! Потом было причастие. Елисейка с готовностью раскрыл клювик и проглотил с серебряной ложки разбавленное вино, олицетворяющее кровь Христову. Потом наступила моя очередь. Ложечка вина, святая вода и просфорка – вот и весь мой сегодняшний завтрак. Потому что мама сказала:

– Никуль, сейчас иди к тете Марине. У нее сегодня день рождения и гостей будет много. Поможешь готовить.

Мама, конечно, думала, что я с Соней, тети-Марининой дочкой, что-нибудь съю. Но Соня уже раньше позавтракала, а что я голодная, тетя Марина ведь не знала. Ох как мне хотелось есть! Я нарезала помидоры, колбасу, яйца, делала салаты, запах съестного дурманил голову, но съесть я ничего не смела. Даже маленький кусочек хлеба! И попросить стеснялась. Тетя Марина была мне мало знакома. Так я и страдала, пока не собрались все гости, в том числе мама, папа и Елисейка. Вот тут я набросилась на еду: салат, колбаса, морс, шанежки... Все летело как в топку.

– Ты почему так жадно ешь? – с недоумением спросила мама. – Веди себя прилично!

Я проглотила последний кусок и отложила вилку в сторону. И правда, чего распустилась? Оглянулась по сторонам – видел ли кто мою ненасытность? И вообще, сама ведь не хочу толстеть, все время забываю, что во всем нужна умеренность.

Домой из гостей мы вернулись рано. Елисейка захотел спать. Он прямо в машине уснул за каких-то пять минут – столько и ехать до нашего дома от тети-Марининого. Прямо нырнул в сон. Мы оставили брата спать в машине в его креслице. Спал, свесив набок головушку в бейсболке. Из-под кепарика выбились белые кудряшки, дорожка слюнки на подбородке, а не противно. Малыши до чего сладкие, у них ничего противного нет!

А мы вышли работать на огород. Перед этим мама нашла свои джинсы, которые стали ей малы лет пять назад, и попросила меня примерить. Я напялила их и засмеялась:

– Мама! Я чувствую себя в них как Пятачок в штанах Винни-Пуха!

Мама поглядела и тоже расхохоталась:

– Ну и ладно! В деревне в самый раз в них работать.

– Мам, ну ты что? Я же из них выпаду!

– Тогда пусть еще полежат. – Мама аккуратно свернула джинсы и спрятала их в старинный сундук, оставшийся от прежних хозяев.

Посадить горох, рассаду астр на клумбу возле дома, все хорошенько полить, почистить клубнику... Эти удовольствия мне поручили. Если кто-то думает, что я чистила ягоды, то глубоко ошибается. Потому что клубника весной – это кусты. Я отрезаю ножницами сухие и подгнившие листья. Я сижу на маленькой скамеечке, которую смастерил папа, передвигая ее за собой по борозде, и не вижу, но знаю и чувствую, как растет трава, как по своим делам ползут миллионы жуков, как они встречаются друг с другом, знакомятся, ощупывая друг друга усиками, влюбляются, женятся, рожают новых жуков, а под землей роют норки дождевые черви, а в воздухе роятся тысячи мушек и маленьких комаров, еще не умеющих кусаться. Всюду жизнь, на каждом земном сантиметре, в каждой теплой капельке воздуха. Я все это чувствую, все это – во мне, все переполняет меня восторгом и счастьем. Как все здорово устроено в природе! И тут подходит мама и...

– Мама! Ай! Больно! Мама...

На глазах всего проезда мама схватила меня за ухо и повела, как какую-нибудь трехлетнюю девчонку. Через весь двор!

– Мама!

Еще больше, чем больно, было стыдно. А главное, непонятно – за что? Я сидела себе на грядке, как грач, и чистила эту дурацкую клубнику. И вдруг – меня, такую дылду, за ухо!

Призывы к маме были все тише, я поняла, что звать к ней бесполезно. Нужно терпеть. И боль, и унижение... Мама вела меня за ухо, я шла, неестественно склонив голову набок, с ухом в цепкой маминой руке и старалась глядеть только перед собой. И все же видела всех: папу, бабушку, соседей, потому что все остановились посмотреть на эту картину. Наверное, ворона Галя ее тоже видела. И в глазах всех было сочувствие. Я не знала, куда меня мама ведет. В чем я на этот раз провинилась? Этих вин было столько! А мама подвела меня к морковной грядке, на которой валялась зеленая пластмассовая тарелка, и закричала:

– Ну! Смотри! Не стыдно тебе? Не стыдно? Я сказала, чтобы ты ее убрала!

Господи! Всего-навсего! Тарелка!

– Мама, я не слышала, что ты просила, извини!

– Я тебе сколько раз говорила? Столько! Не стыдно? – запальчиво продолжала мама. – Ворона!

Я взяла эту злосчастную тарелку, в которую мы клали всякие семена для посадки, и понесла ее под крыльцо, где лежала дачная мелочовка.

Я чистила клубнику и глотала слезы. Ревела и никак не могла остановиться.

Подошла бабушка и сказала:

– Терпи, девочка. Не бывает все хорошо.

Бабушка не защищала меня, когда мама тащила меня за ухо. И папа не защищал. Никто не защищал. Не смели. Потому что, стоило только начать это делать, мама начинала кричать, чтобы не лезли не в свое дело. Что ей уже сорок лет (хотя было тридцать шесть) и что не нужно ее лечить. Она всегда так кричит. И мне тогда достается еще больше. Все это знают, поэтому молчат.

Но самое-то ужасное... все это видел мой одноклассник. Кимка Зимин. Он шел по проезду, я увидела его боковым зрением. Как он был изумлен! Я сразу отвела взгляд, потому что перед ним стало еще более стыдно. Он видел мой позор.

Не знаю, что он тут делал. Я никогда не видела его в деревне раньше. Может, они купили тут участок. Говорю же, в этой деревне все ринулись покупать землю. Местная Рублевка, что говорить. И вот Кимка все видел. Шел мимо забора. А этот низенький забор из штакетника длинный, вдоль всего участка. И он не отвел глаз, а посмотрел всю пьесу до конца. Просто безумно перед ним стыдно. И перед бабушкой стыдно, и перед всеми соседями, даже перед теми, кто этого не видел. Потому что я теперь знаю, какая я плохая: не убрала с грядки тарелку, в которую мама кладет луковицы тюльпанов, когда их сажает, а я – любые другие семена для посадки. Глупая рабочая тарелка.

Птица ворона, я – опять ты. До чего же мы с тобой нелепые, смешные. Ты меня видела, Галя?

Вечером у мамы заболел желудок. Наверное, съела что-то неподходящее на дне рождения у тети Марины. Мама ходила, согнувшись в три погибели, схватившись за живот. И ничего не могла делать, и ужинать не стала, и рано легла спать. Утром хлебнула только две ложки овсяной каши. Маме нужна была мята. Ее листочки уже выросли на специальной мятной грядке, нежные, махонькие. Я собрала их и хотела заварить. И вот, когда я заливала траву кипятком, рука неожиданно дернулась, и кипятком ошпарил голую ногу.

– О-ой! – Я зашипела от боли.

– Что случилось? – беспомощным голосом спросила мама.

– Обожглась!

– Ворона! – откликнулась мама слабым голосом.

Да знаю я, знаю, можно не говорить!

Я побежала на улицу, чтобы охладить ногу в подрастающей травке, и бабушка, увидев мое перекошенное от боли лицо, испуганно спросила:

– Что случилось, Ника?

– Ногу обожгла кипятком.

– Живо беги сюда! – Бабушка была около теплицы. Она сама рванулась к бочке, в которую в дождливые дни стекала с крыши дождевая вода. – Ставь сюда ногу!

– Бабушка, да она грязная!

– Ставь, говорю, дождевая вода не бывает грязной. Главное – холодная.

Я до колена сунула ногу в бочку. Обожженную ступлю приятно обдало холодом.

– Держи, держи, не торопись... держать нужно не меньше минуты. Проходит?

– Да, понемногу...

Боль и вправду отпускала. Отпустила...

– Теперь надевай мой тапочек и ковыляй домой, полежи.

– Я же его промочу, бабушка!

– Да шут с ним, Вероника!

Я доковыляла до дома и легла рядом с дремлющей мамой. Она ничего не могла делать из-за желудка, у нее была сильная слабость. Мама меня обняла, прижала к себе крепко-крепко.

– Люблю тебя, доча, – прошептала она.

– Я тоже тебя люблю, – сказала я, и мне захотелось плакать. Я еще сильнее вжалась в маму. Как кораблик в бухту. – Мам, кажется, наш одноклассник тут участок купил.

– Да-а? Что ж, это неудивительно, тут сейчас многие покупают. А кто?

– У него редкое имя – Аким.

– А... Зимины, я знаю родителей. А он парень хороший?

– Так... Я не знаю его совсем.

– Как это – не знаешь? – удивилась мама. – Он же у вас с первого класса.

– Ну и что? Я многих с первого класса не знаю. Мы с ним ходим в один класс, как с нашими соседями – в один магазин. Я разве соседей знаю?

– Равнодушие и одиночество.

– Может быть. Тебе лучше?

– Лучше. Только спать тянет. А твоя нога как?

– Тоже лучше, утихает.

Из кухни, где у нас была аптечка, пришла бабушка, принесла гель «Спасатель» и выдавила на мой ожог желтый червячок:

– Сейчас все пройдет, дитяtko.

– Бабушка, хоть бы до последнего звонка все прошло. Или хотя бы до вечера выпускного.

– О-о-о, до выпускного ты еще замуж успеешь выйти!

– За кого, бабушка?

– А что? Неужели не за кого? – пошутила бабушка.

– Ха-ха, – ответила я, – парней полно, да меня-то кто захочет?

Моя бабушка молодая. Не молодящаяся, а именно молодая. Морщинки у нее только возле глаз. В городе мы живем в разных квартирах, а дача у нас одна. Бабушка очень спортивная. Зимой ходит на лыжах и в бассейн, весной и осенью путешествует. А летом живет на даче, делает зарядку, по утрам обливается холодной водой. Мне смотреть страшно, как она ведро воды на себя! А она – визжит и смеется. Недавно она приехала из Италии. Рассказывает, какая это роскошная страна, сколько там памятников, сколько великих художников там жили и творили.

– Мы с тобой туда обязательно съездим, – обещает мне бабуля.

– И в Париж, ладно?

Я учила французский язык, и мне самой страшно хочется в Париж. Больше даже, чем в Италию.

– А в Париж я боюсь ехать, – смеется бабушка.

– Почему, бабуль?

– Потому что говорят: «Увидеть Париж – и умереть».

– Глупости! Что, все, кто видит Париж, умирают, что ли?

– Да нет, конечно, – смеется бабушка. – Но ведь я уже старенькая.

– Бабушка, т-с-с... – Я прикладываю палец к губам и перевожу взгляд на маму.

Мама заснула.

Мама. Из-под широкополой шляпы развеваются длинные светлые волосы. Шляпа перехвачена шнурком под подбородком, чтобы ее не унес ветер. Развеваются полы маминой ветровки. Мама стоит на носу резиновой лодки с мотором. Она смеется, красивая, стройная. Нос лодки разрезает широкие воды реки, летят сверкающие на солнце брызги, и кажется, мамин смех тоже сверкает. Папа на корме управляет мотором, а мы с Елисейкой сидим посередине лодки на сиденье и ловим руками, которые ближе к воде, холодные брызги. Летит по реке наша лодочка, раскрашенная в камуфляжный цвет, летит лодочка, и по небу, отраженному в воде вместе с белыми пушистыми облаками... проносятся зеленые речные берега... Красота! Хочется петь. На мне яркий спасательный жилет, мы пристанем к пляжу и будем купаться. Тогда я жилет сниму. Папа не разрешает находиться без жилета, когда лодка мчится на полной скорости. И на маме жилет, и на папе. И на Елисейке, конечно! Милый оранжевый жилет с миллионами кармашков на милом двухлетнем мальчике.

И вот мы уже сбрасываем жилеты и несемся в прозрачную воду, такую славную, такую свежую, такую теплую, такую летнюю, и мама хохочет и брызгает на меня водой, и мы обе смеемся и визжим и плаваем наперегонки. И мама ловит меня, обнимает и, мокрую, целует.

– Кинь меня, мама!

В воде я легкая, как перышко. Конечно, такую дылду на руки не возьмешь. Мама просто сильно отталкивает меня в сторону от себя, дальше, как можно дальше, я ухожу под воду с головой, выныриваю, плыву, и брызги, смех, солнце, радуга в каждой капле. Никто за меня не боится, потому что я классно плаваю, мама ходила со мной в бассейн с трех моих лет, чтобы я научилась плавать. Елисейки еще не было, и мама отдавала мне все свое свободное время.

Елисейка ковыляет у самого берега на толстеньких ножках, вода еле-еле покрывает его щиколотки, он садится в воду на попу и хлопает ладошками возле себя. Тоже хохочет. Песчинки, капельки, смешинки...

В городе мама с младших классов берет меня на концерты классической музыки, на оперные вечера, на встречи со знаменитыми друзьями, с интересными людьми. Потому что мне надо же развиваться! Мы с ней болтаем обо всем на свете: о школе, о друзьях – моих и ее, о нашем президенте, о странах, о политике. Можем полночи проговорить. Я спрашиваю маму обо всем непонятном, например о вере. Обязательно ли ходить в церковь – может, достаточно верить в Бога в душе? О будущем: обязателен ли штамп о замужестве в паспорте – может быть, достаточно повенчаться с молодым человеком в церкви? А некоторые всю жизнь живут просто в гражданском браке – можно ли, по ее мнению, жить вот так? Мама знает ответы на все вопросы и ни один мой вопрос не считает глупым.

* * *

– Дай мне ключи от машины, – просит мама у папы. Мы готовы ехать в город, домой. Елисейка уже сидит в автомобильном креслице, рядом с ним кот Марус, которого еле-еле выловили и заточили в машину. Марус не хочет в город: там нет мышей и все время нужно сидеть в четырех стенах. Я тоже в машине. Марус между мной и Елисейкой недовольно жмурит то один, то другой глаз. Он уже понял, что сбежать ему в этот раз не удастся, и смирился с этим.

– Ключи у тебя, – отвечает мама и смотрит на папу твердым голубым взглядом. Она рвет с клумбы цветы, составляя из них букет для городской квартиры.

– Нет, они у тебя. Я же тебе давал в обед – помнишь, ты вытаскивала пакет с овощами?

– Я тебе возвращала! Они у тебя!!! – Мама кричит, нет, она орет, на нее оглядываются прохожие с проезда.

Папа больше ничего не говорит. Открывает уже запертый дачный дом и возвращается с ключами от машины.

– Они были в кармане твоей дачной куртки, – бросает хмуро.

– Извини, – тихо говорит мама и в машине всю дорогу до дома молчит.

Почему я все это рассказываю? Потому что я очень люблю свою маму. Да, она нервная. А как не нервничать, если работаешь на двух работах? И потом, она очень переменилась, когда у нас появился Елисейка. Иногда мне кажется, что я не люблю своего очаровашку брата. Потому что в последние два года ему достаются все ласковые слова, какие только есть на свете, а мне – все на свете плохие.

Аким

Я прямо-таки возненавидел ее мать. Она тащила Нику за ухо по всему их огромному участку. Как будто это была ручка какого-нибудь заварочного чайника. Сначала Ника просила о пощаде, но все было напрасно: мать не слушала ее и орала, какая Ника бессовестная. Ника поняла, что просьбы о пощаде – бесполезняк, и потом только морщилась. Я смотрел не отрываясь, настолько происшедшее потрясло меня. А потом понял, что я дурень, что на это смотреть нельзя, что девчонке и так не по себе, а тут еще я вытаращился. Я отвел глаза и стал тупо глядеть под ноги. Поскорее проскакал мимо их участка. Но я никогда не забуду эту сцену, она на моем внутреннем принтере отпечаталась.

Да, новость: мы купили участок в деревне со смешным названием «Волки». Будем строить там дом. Ну хорошо хоть, не «Собаки» деревню назвали. Деревня Собаки – вообще был бы капец полный.

Я и не знал, что у Дымовой там тоже домик. Для меня это полная неожиданность и – сюрприз. Это что-то да значит! Если бы не маразм ее матери с ухом, я бы Нику как пить дать окликнул. Может быть, в Волчатнике и началась бы наша дружба! Для начала погутарили бы о том о сем, пятом-десятом. Попросил бы ее провести бесплатную экскурсию. Она же там дачный старожил. Знает, где лягушки живут, где волки ночуют, где крокодилы пасутся. К реке бы прогулялись, там такая хорошая речка – широченная, толстая, но это пока, в разлив. Скоро похудеет. Рыбачить можно летом! Оп, о рыбалке теперь уже не стоит мечтать. Если только в студенческие каникулы... Школа заканчивается, скоро выпускной, а там – учеба в каком-нибудь вузе-карапузе. Вряд ли получится бывать в Волчатнике часто. Во! О выпускном бы посудачили с Дымовой, куда она собирается скакать дальше. В институт – или как, в какой город, страну, на какой континент, планету... Могли бы вместе дернуть. Ника неразговорчивая, но я бы ее разговорил, я же болтун знатный! Нет, правда, это что-то да значит – в одной деревне живем! Обязательно спрошу Дымову в школе, что она об этом думает.

Не, лучше не спрашивать. Не напоминать ей об экзекуции дражайшей родительницы. И то, что я ее видел. Интересно, в чем же она провинилась?

Домик у них антикварный, оставшийся от прежних хозяев. А у нас участок без всяких построек – бывшее совхозное поле, уже заросшее дикой морковкой, крапивой и борщевиком. Местами, как грибы, начинают расти маленькие елочки ростом с палец. Папенций сказал, что мы не все уберем – три-четыре елки пусть растут себе на счастье, это же северные кипарисы. Согласен. Горсточка кипарисов нам не помешает. Если елки называть кипарисами, то речку вполне можно назвать морем. Так что мы будем строить дом над кипарисами у самого берега моря.

Кайф!

Нет, я опять о Нике. Часто я стал думать о ней. Why? Don't know!² Практически каждый час вспоминаю. А уж перед тем как в сон провалиться... Да без Дымовой, можно сказать, не засыпаю! Почему мы в школе до сих пор не общаемся? Только взглядами обмениваемся. Не пылками, к сожалению, не пылками. И даже красноречивыми их не назвать. Ну мой, может, еще можно назвать горячим, градусов эдак под семьдесят, а у нее взгляд прохладный и робкий, как у ягненка, загнанного волками в темную чашу. Как у ребенка, запуганного маман, – вот как правильнее сказать. Она, наверное, Нику просто задолбала, вот почему эта девчонка тихоня и молчунья. Как быстро она отводит глаза, когда встречается с моими! А мне хочется на нее глядеть. Прямо как захожу в класс, так и начинаю искать ее взглядом,

² Why? Don't know! – Почему? Не знаю! (англ.)

словно она розетка, а я разряженный телефон. Смотрю на нее, подзаряжаюсь. Самому интересно: неужели влюбился?

Вряд ли сегодняшний инцидент сделает нас ближе. Наоборот!

На концерте Ника мне резко понравилась. Она совершила поступок. Открыто пройти через весь зал, когда все на тебя пялятся и думают: а куда это ты направляешься? Сдвинулся, да? Точно-точно, все именно так смотрят и думают. Дымова ведь стеснительная, а не побоялась пройти «сквозь строй». И вообще. Заметная или незаметная девчонка и все, что я раньше думал по этому поводу, – не имеет значения. Я уже и забыл, что хотел дружить именно с незаметной. Какая разница, а?

Да она разве незаметная? Во я загнул! Какой балбес! У нее такие ясные голубые глаза, что не заметить ее просто невозможно. Вчера в классе мы стояли у учительского стола и рассматривали классный журнал, который забыл физик. Мы с Вероникой оказались друг против друга, к ней журнал был вниз головой. Я хотел перевернуть журнал, чтобы ей было удобно смотреть на свои выдающиеся отметки, а Катька Стрекалова и Тимошка Ганов закричали, что они еще не посмотрели, а Катька схватила меня за локоть. И тогда Ника внимательно посмотрела на меня, и я увидел черные зрачки с коротенькими желтыми лучиками посреди голубого пространства. Это были ее глаза. Черт, как цветы или даже звезды! Красивее даже, чем у Наташки Кругловой. Точно. Очи, а не глаза! Очень очи. Я даже обалдел...

Зашла классная Лилия и забрала у нас журнал.

Ура! Наконец-то на днях мне покупают машину. Давно просил. И вот отец созрел. (Папенций говорит – я созрел.) Да я еще в начале марта, еще посреди снега созрел, когда мне восемнадцать стукнуло. Словом, мы оба созрели для того, чтобы купить мне драндулет. Старенькую «шестерку». Рухлядь? Yes. Отец говорит – первую машину все равно же долбану, так чтоб не жалко. Буду самостоятельно ездить, поначалу в деревню. На трассе за городом ездить легче, в городе вообще ку-ку: машины бьются каждую секунду. Улицы узкие, а тачек миллион с хвостиком. Словом, пока в деревню, только в деревню. Отец с мамой – на своей машине, а я на своем корыте. Буду практиковаться. Город от меня не уйдет. Водительские права я уже давно заимел! Как исполнилось восемнадцать, так сразу погнал их получать. А машину я с детства вожу. В восемь лет меня папенций на колени сажал на лесных дорогах, и я вел машину – еще тогда научился. Однажды за грибами ездили. Выбрались из леса не к самой машине (у нас тогда «Ауди» была), а от нее примерно за полкилометра. Машинка красной кляксой виднелась на дороге. Папенций дал мне ключи, и я побежал к тачке, а они не спеша с мамой пошагали. И я, десятилетний шкет, подвел машинку прямо к их ногам. Это было круто! Я чуть в космос не улетел от счастья! А у чужих грибников, которые повстречались мне на пути, были такие странные лица, как будто за рулем они видели не человека, а медведя в очках.

Обязательные курсы по вождению я тоже закончил. Папенций любит, чтобы все по правилам было. Ходил по вечерам в десятом классе. Не, машина – это класс вообще. Я ко всем машинам неровно дышу. Отцовскую облизываю. Уровень масла проверить, тосольчику подлить в двигатель – это мои занятия. Ну а мыть машину я папению никогда не доверяю. Я вообще люблю, когда что-то из грязного становится чистым. Когда у нас еще не было посудомоечной машины, я любил грязные тарелки превращать в сияющие. Да! Я такой парень, что люблю мыть посуду, машины, женщин... (за последнее простите – блефую). И что тут вообще странного? Это так офигенно, когда машина из запыленной потной путешественницы превращается в сияющую серебристую красотку! Она тогда улыбается мне. С кем-то поспорить?

Теперь будем в деревню Волки ездить вместе с Вероникой Дымовой. Эдакой семейной парой на передних сиденьях. Ха! Семейной! Еще раз – ха!

Разве она поедет со мной? Она мне даже не улыбается. Даже не смотрит вообще.
Но мечтать не вредно. Чем черт не шутит?
Ну и назвали же деревеньку древние люди! «Волки»! Жесть вообще.

Вероника

Назавтра в школе я пряталась от свидетеля моего позора. Увидела Кимку в конце коридора – в чужой класс залетела.

– Здрасьте вам с кисточкой, – отозвался на мое явление мелкий шестиклассник, который стирал с доски английские слова. А может, это пятиклассник был, не знаю, кто это молодое поколение разберет... – Вам кого? Здесь не одиннадцатый, здесь шестой «А», госпожа девушка!

Оглянувшись на него, я приложила палец к губам, чтобы он перестал трепаться и не выгнал меня тряпкой, которой стирал с доски. И когда Аким прошел мимо, вышла на цыпочках. Мелкие стали такие разговорчивые – и никакого уважения к старшим. Мы их как-то больше стеснялись. «Госпожа девушка»! Я засмеялась. Надо же так придумать!

Не хочу встречаться с Зиминим. Хотя кто он мне, отец родной? Да пусть думает что хочет. Только бы не рассказывал никому о той глупой истории. Надеюсь, не расскажет – парни вроде не болтливы... Девчонки бы сразу постарались, чтобы об этом случае узнало побольше народа. Катка Стрекалова бы сильно радовалась и стрекотала об этом событии весь день. Кстати, ей очень подходит ее фамилия. Да, снова кстати. Мы перестали с ней общаться после той записки. Ну, когда она написала, что ходила с Вилькой в кафе. Я теперь не смотрю ни на Вильку, ни на Катку. Да и не нравится мне Вельс, даже как красивая картинка, не нравится. Я *так* говорила, потому что *так* было нужно. Я это недавно сообразила. По неписанным школярским правилам необходимо, чтобы тебе кто-то нравился. Я и решила, что мне Вилька нравится, потому что он смазливый. Если тебе никто в классе из мальчишек не нравится – значит, ты недоразвитая. На парней из другого класса тоже можно глаз положить. А если ты дружишь со взрослым, студентом, предположим, ну ты вообще крутая, тебе все завидуют.

А если даже и нравился мне Вилечка Вельс, то теперь перестал. И поставим на этом точку.

Я Зимина избегала, а он, наоборот, на меня чаще обычного поглядывал и один раз так долго смотрел, словно хотел во мне что-то понять. Я закрылась раскрытым учебником. Он меня стал смущать. Я вспоминала, как шла, ведомая мамой за ухо, и краска волнами покрывала мое лицо. Я даже морщилась, как будто у меня болели зубы.

В пять часов была консультация к ЕГЭ по русскому.

Одноклассники ропщут на то, что у нас куча ненужных уроков. Зачем, например, сейчас физкультура? Вместо нее можно было бы снова готовиться к ЕГЭ и не тащиться в школу на консультацию майским прекрасным вечером.

На крыльце я встретила классную Лилию. Она уходила домой.

– Вероника, – учительница придержала меня за локоть, – ты будешь поступать на что-то, связанное с биологией?

– Скорее всего, Лилия Игнатьевна.

– Вот. Вот и правильно. Сегодня на педсовете Ирина Яковлевна очень хвалила тебя. – Ирина Яковлевна – наша биологичка. – В наш университет или в другой город наметилась?

– Я еще не решила.

В этот момент на крыльцо запрыгнул Кимка Зимин. Говорю «запрыгнул», потому что у него такие длинные ноги, что он так запросто может: прямо с земли – на крыльцо.

Я поскорее от него отвернулась.

– Аким, ты чего не здороваешься? – спросила классная Лилия.

– Да мы же с вами виделись утром, Лилия Игнатьевна. И «до свидания» я вам не говорил. Но я могу еще раз сказать: «Здравствуйте, Лилия Игнатьевна! Здравствуйте. Здравствуйте».

– Ну-ну, хватит, не паясничай.

– Да нет, я просто на всякий случай, за три дня вперед поздоровался. А то вдруг я с вами завтра не встречу? Здравствуйте, Лилия Игнатьевна!

– Кима! Ты будешь когда-нибудь серьезнее?

– Лилия Игнатьевна, я уже вообще весь такой серьезный. Даже серьезней, чем Дымова!

Мы попрощались с учительницей и стали подниматься на третий этаж в наш класс. Я – по одной лестнице, он – по другой, но потом лестницы соединялись в одну.

– О, Дымова! Привет! Давно не виделись! Ты откуда упала? – засмеялся Зимин, когда мы встретились в начале общей лестницы.

Я не ответила и постаралась пробежать вверх впереди него.

– Давай я рюкзак твой понесу, – вдруг попросил он сзади.

Я чуть с лестницы не рухнула от удивления.

– Он легкий, спасибо, не надо.

Скорей, скорей наверх! Он и не думает отставать. Наступает прямо на пятки:

– Давай я легкий понесу.

– Не надо.

Я несла рюкзак на одном плече. Зимин схватился за лямку, но я рванула рюкзак и прижала его к груди, как Елисейку.

Я хорошо помнила, что Зимин видел всю нашу божественную комедию в деревне, и мне совсем не нужно было топтать с ним рядом. Вдруг он что-нибудь спросит? Я тогда от стыда сквозь землю провалюсь, и меня накроет обломками этой лестницы.

Скоро последний звонок. Первый экзамен. Страшно. Кроме русского и математики, которые сдают все, я выбрала обществознание и биологию. Буду поступать на биологический в универ. Родители выбор одобрили. Мама сказала, что на даче я смогу проводить всякие биологические опыты. Это еще как сказать... опыты! Я не огородом хочу заниматься, а птицами, выберу своей специальностью орнитологию. И тогда моими подопечными будут все птицы, ворона Галя в том числе. Буду считать ее перышки. И тогда никуда не денешься, придется соглашаться, что северные соловьи называются варакушами.

Я зашла в класс, а Зимин остановился поговорить с парнем из 11-го «А». И когда он зашел в класс, то сразу нашел меня взглядом. Я отвернулась к окну. Он сейчас всякий раз так: заходит и – на меня, как будто я его примагничиваю. Странно это. Странно и... приятно. Вот ведь, ничего особенного в этом парне нет, а все равно. Смотрит он на меня, и мне любо. Как будто рядом со мной листья березовые шелестят...

И вот, когда все уже расселись по местам и в класс вошла литераторша, я оторвала взгляд от окна и увидела перед собой открытку.

– Это тебе Кимка подложил, – сказала, смеясь глазами, Наташа.

Я бы и без подсказки догадалась.

Больше некому потому что. Никому я больше не интересна. Я и ему, конечно, не интересна, но, раз он поглядывает на меня, значит, он.

Меня бросило в жар. Что еще за открытка?

Открытка была такая же странная, как его взгляды. Как его имя.

Желтая роза. Красивая желтая роза. Да разве могут быть розы некрасивыми? А на нее хлопьями валит снег. И дождь тоже. Снег и дождь, и все на розу.

«ЭТО ТЫ» – было написано на обороте.

Вот как? Со смыслом, да? На розу рушится снег и дождь? Ну, дождь – это нормально для цветка. Это хорошо. Но снежные хлопья? Ведь роза от снега замерзнет. Она в снег мучается. Как я? Разве я мучаюсь? Что он имеет в виду? Ту прекрасную деревенскую картину, когда меня вели за ухо, как трехлетнюю соплячку?

Нет, зачем открытка? Он меня пожалел? Я – роза под снегом? Или это случайная открытка? И Зимин случайно положил перед моим носом? Или же я просто – роза? То есть красивый цветок?

Пусть не врет. Я не обольщаюсь. Я не роза.

На перерыве, когда он проходил мимо моего стола, я окликнула:

– Зимин! Эй!

Он оглянулся. Улыбнулся. Он такой – у него всегда наготове улыбка.

– Возьми, – я протянула ему открытку. – Мне не нужно.

– Ладно.

Кимка пожал плечами, выхватил открытку из моих рук, подошел к урне в углу класса и кинул туда.

А мне-то что? Пусть.

Папуасу, сующему нос во все бочки и урны, стало любопытно.

Достал открытку, перевернул обратной стороной.

– Так-так-так, – протараторил он. – Посмотрим, что за послание. «Это ты». Ха! Это кто – «ты», Зимушка? – спросил Папуас. И обратился к классу: – Народ, кто у нас желтая роза? – Крикнул по-командирски: – От-зо-вись!

– Дай сюда! – Аким хотел выхватить открытку, но Папуас спрятал ее за спину.

Они немножко помутузили друг друга, борясь за открытку, Кимка все же отнял ее у Кольки, посмотрел на надпись, как будто он сам ее впервые видел, и распахнул объятья перед Папуасом:

– Папуасик, это же ты! Ты же вылитая желтая роза! Ты посмотри на себя!

Папуас как раз был сегодня в желтой футболке. Все стали смеяться.

– А ну вас, – бросил Папуас и сбежал от смеющихся одноклассников в коридор.

А Зимин подошел к Колькиной парте и положил на нее открытку надписью вверх: «Это ты».

Колька вернулся в класс, увидел открытку и аж в лице перекосился. Уже и не рад был, что подобрал в урне этот цветочек.

Я тоже посмеялась и уже сама поверила, что я ни при чем, что открытка и вправду была для Папуаса. А когда шла домой и вспоминала, как она очутилась перед моим носом: не было – и вот есть, так радостно стало на душе, что я запела: «Я роза под снегом, роза под снегом, тра-ля-ля-ля», схватила с земли какую-то ветку и подбросила ее в небо.

Дома, когда я в сто первый раз перелистывала учебник биологии, залопотал мобильник. Эсэмэска прилетела! Номер незнакомый. И что пишет этот незнакомец, что ему от меня надо?

И все-таки ты – роза под снегом.

Понятно, кто автор.

Я стала как ненормальная улыбаться. Бросила учебник в сторону и закружилась по комнате.

Я ничего не ответила Кимке, но его номер забила в память телефончика. Так, на всякий случай.

Наташка, ты дала ему мой номер? Спасибо!

Мне вообще никто не пишет эсэмэсок. Иногда Наташа. А назавтра в семь ровно будильник на телефоне запел, и эсэмэска пришла, будильник ее краткое лопотанье забил.

Вставай, вставай...

И больше не ложись...

Вот и все, что я прочла на дисплее. Смешной этот Зимин. Как будто я без него не встану. «Больше не ложись». Вот в этом он прав на все сто. Иногда ляжешь на пять минуток буквально и – проспишь первый урок.

Я уже легла вечером, снова эсэмэска:

Ложись, ложись

И больше не вставай...

Спасибо, родной. Все-таки встану утречком, не взыщи....

Я эту эсэмэску стерла. Глупая. Тоже, руководитель жизни. Взяла Буку в постель, посмотрела перед сном еще раз сайт «егэшки» по русскому. Страх, ужас, кошмар – до него осталось пять дней! Главное – не забыть черные чернила. Черные чернила в черной комнате ставит черная рука в черной перчатке... жуть, просто совсем запугали этой ручкой с черной пастой.

– Не забудьте, не забудьте, не забудьте! Только черная, черная, черная!!!

Не экзаменом единым люди живут.

Еще они живут выпускным. До него – ровно месяц.

Вчера на стенде с расписаниями уроков появилось объявление, написанное от руки:

«Кто хочет научиться танцевать вальс – записывайтесь у Алены Самойловой в 11-й «Б» после шестого урока».

Кто хочет – это я. Я очень-очень «хочет»! Потому что я умею танцевать только медляки. Их каждый танцует, если медведь на ухе не потоптался. А вот вальс... Вальс! Это моя мечта вообще. Мне негде было научиться вальс танцевать. И после уроков, как было сказано в объявлении, я побежала записываться по указанному адресу: на третий этаж, в противоположное крыло от нашего класса – к 11-му «Б». Алена Самойлова устроила запись в рекреации на подоконнике, потому что их класс был уже кем-то занят. У нас в школе не хватает помещений, стоит освободиться какому-то классу, как на него тут же находят захватчики.

Алены Самойловой почти не было видно за кучей желающих. Они ее просто задавили – девчонки разного возраста и несколько парней-старшеклассников. Вот черт – и Аким был тут же! Елки! Прямо он везде, всюду, куда ни посмотришь, натыкаешься на Зимина. Почему его так много? Потому что он очень большой? Его спина в серой толстовке загораживала сразу несколько девчонок. Он на их плечи свои длинные руки распространил. Что ты будешь делать! Ну почему он тоже пришел? Тоже хотел научиться танцевать вальс? Да, да, понимаю, почему бы ему этого не хотеть? Но я же буду его стесняться! Как я буду учиться у него на глазах – неуклюжая, как слон?

Я разочарованно повернула назад. Ничего, как-нибудь без вальса обойдусь в своей жизни. Обходилась же раньше. Вот всегда я такая... ворона.

Аким

Я оглянулся – и увидел, как по коридору быстрым шагом уходит Ника. Вот блин... Я ведь пришел-то сюда из-за нее! Слышал на перемене, как она говорила Наташке, что запишется к Самойловой. Алена ходила на балльные танцы и умела танцевать все на свете танцы-шманцы. Вот и поскакал тоже записываться, думал – вместе, одной парой будем учиться. Разовьем отношения в дружбу-любовь... Смеюсь, смеюсь, про любовь я шучу, конечно. Это уж как получится. Почему же Дымова передумала? Неужели потому, что увидела меня? Почему она от меня убегает? Что я ей сделал плохого? Почему девчонки такие странные, ничего у них не поймешь?

Я плюнул в сердцах и направился вслед за ней. Только хотел окликнуть ее, как меня самого окликнули:

– Зимин! – Алена Самойлова меня усекла. – Ты что же? Я тебя уже записала!

– Не надо! – обернувшись, крикнул я. – Вычеркивай!

– Ну и зря! Ну и подумаешь! – обиженно крикнула Алена.

Я побрел себе дальше, но недалеко ушел. Не успел, потому что не дали. Меня догнала девчонка из параллельного класса. Кажется, ее Кирой звали.

Она тронула меня за плечо и сказала просящим тоном:

– Послушай, Ким, раз уж ты пришел – останься, а? У нас парней – смотри, трое всего. А нам они так нужны! Пожалуйста, Кима!

Я, конечно, покривился. Время еще на скачки терять. Я только с Дымовой был согласен глаза в глаза танцевать, а так...

Но у девушки было такое ждущее лицо. Прямо-таки воплощенная надежда.

– Ладно, – уступил я. – Останусь на один вечер, так и быть.

– Ты лапка, – улыбнулась то ли Кира, то ли не Кира. – Но учти: я тебя забила!

О-о, вот как они нас ловят! Она меня забила! Ну и хитрющие эти женщины. Лисицы. Но не все.

Ника простая, не умеет хитрить.

Нет, все-таки я поступил тупо. Какой к черту вальс, когда экзамены? Нас уже до пяткок запугали. Вообще, прессинг ужасный с этим ЕГЭ. Не только нас запугали, но и родителей. Только черная паста! Никаких помарок! Только черная паста!

Достали, блин!

Мне как раз купили машину через папиного знакомого. С виду она старуха, но двигатель в порядке: за ним хорошо ухаживали. Поистрепалась «шестерка» за двадцать лет, но пенсионерки тоже резвые бывают. Как только папенций поймет, что я – ас, купим мне поновее, или я отцовскую иномарку буду водить с ним на пару. А лучше всего – самому на крутую тачку заработать. Конечно, об этом пока рано мечтать, ведь институт не за год кончают, а студент – понятно, какой богач, если, конечно, он не Марк Цукерберг³. Да что там загадывать, посмотрим... У папенция деньги, конечно, водятся. Но я его захребетником быть не хочу. Я хочу сам всего добиться.

Объезжали машинку вместе с отцом. Я – за рулем, он – в руководстве: «Тише, не газуй с такой силой, ты не на танке. Быстрее – на дороге ты должен быть в потоке. Не съезжай на обочину – там могут быть гвозди-стекла-бутылки, ерунда всякая. Не езжай на желтый свет – не спеши, даже если дорога свободна: дисциплина на дороге прежде всего. Не гони так, в городе скорость – шестьдесят кэмэ. Будь спокоен, никогда не паникуй. Взялся обгонять – держи скорость. А самое главное – никогда не проскакивай на красный свет. Потому что

³ Марк Цукерберг – основатель социальной сети Facebook.

можешь убить человека. Сам себя убьешь – ладно, жалко, конечно, но что сделаешь... Сам виноват. А покалечить другого, тем более лишить его жизни – даже нечаянно ты не имеешь права. Не ты раздаешь жизни».

– Запомни, сын. Красный – табу на все времена. Ты понял?

– Понял, понял, пап. Я что, тупой – на красный ехать?

А потом отец разрешил сделать пробный круг по городу самостоятельно, по самым жестким улицам с самым напряженным трафиком. Ох я и выкладывался, сто потов с меня сошло. Честно, было страшновато. Казалось, что все встречные тачки так и жаждут со мной поцеловаться. И еще пробки... не как в Москве, но все же плотненькие, ох и раздражали! Папенций меня благополучно дождался часика через два.

– Молодец, – сказал он, – живой. Я доволен.

От радости я сдал назад слишком быстро и – бэнц! – стукнулся о ствол толстой березы. Бампер обиженно звякнул. Посередине образовалась вмятина.

– Вот елки! Прости.

– Ладно, – папенций махнул рукой, – не смертельно. Что ты извиняешься – тебе же ездить.

Вот и катаюсь такой – резвый красавец.

Сегодня объезжаю своего древнего скакуна, торможу на лежащем полицейском и слышу, кто-то орет с тротуара:

– Эй! Зима! Зима-а!

Витек Кетов, Кед. Одноклассник. Углядел, глазастый. Подрлил к нему:

– Привет, Кед!

– Твоя тачка?

– Моя. Сядешь?

– Ну.

Сел он в салон. Дверцу раза три закрывал – все замки хилые.

Пока пристегивался, сделал комплимент:

– Знаешь, Зимка, когда кто-то покупает байк за сто тридцать пять тыщ, говорят – богатый. А когда кто-то берет тачку за столько же бабок, знаешь, какой базар?

– Тот самый бедный, так?

– Догадливый.

– А я и не хвастаюсь, что богат. – Я потихоньку тронул машину. – У меня все впереди. А ты что, уже в списке Форбса⁴?

– Да нет, вообще-то. – Кед засмеялся. – Нет, правда, чего это вы такую рухлядь купили?

Отстой ведь полный.

– Слушай, Кед. Можно подумать, мне батя свою машину даст развезжать. У него крутая ласточка. Разобью ведь!

– Правильно. Слышь, Зим, до народа не дозвониться, все к этому «ЕГУ» готовятся. Все такие сознательные, что ли?

– Ну да. С этими же баллами в институт. А ты чего несознательный?

– Да очень надо! Сдам как-нибудь. Все равно мне институт не светит.

– А что светит?

– Работать пойду. У нас рядом магазин, там продавцы-мужики нужны, а осенью – в армию.

– Тоже дело. Не поступим – все работать поскачем. Вроде ничего мужики в магазинах зарабатывают.

– Не, плохо. Менеджеры – ничего, а продавцы плохо.

⁴ Forbes – самый влиятельный в мире бизнес-журнал.

– Витек! Продавцы сейчас все менеджеры, прикинь? Так что не бойсь – все хорошо будет. Поработаешь немного, встретишь девчонку, влюбишься, женишься...

– Не гони. Ты же знаешь, я в любовь не верю. Нету ее.

Я с ним нарочно о любви-то... подначиваю. Потому что у него комплекс. Не знаю, как его назвать – «комплекс нелюбови», что ли? А скорее всего, это комплекс неполноценности. Он не любит девчонок и не верит в любовь. Вот такой расчудесный тип. Подарили ему девчонки на 23 февраля книжицу про любовь с оригинальным названием «Любовь с первого взгляда». Всем чего-то дарили – мне, например, плюшевого зайца. А что? Мне в кайф! Зайка дождется моих потомков. Далеко гляжу? Ага, высоко сижу потому что.

Вот что Кед с книгой сделал. Прозвенел звонок на большую перемену. Математичка вышла, и народ к выходу потянулся. Вскочил Кед, заорал:

– Люди, внимание!

Все застыли, как в игре «замри». Кед достал подарок и стал рвать книгу. Страницу за страницей. Со вкусом парень оттягивался. Откроет книгу, страничку разорвет наполовину – не вдоль, а поперек, то есть никаких обрывков не летело. И потом такую книжку выкинул в урну.

А перед тем, как в урну кинуть, провозгласил:

– Запомните все, и вы, девки, в первую очередь: любви нет!

И руку поднял со сжатым кулаком.

Как все возмущались! Особенно девчонки. С тех пор они с Кедом не разговаривают и глядят на него как на пустое место. А он, похоже, этим доволен.

– Что, довезти тебя до дома? – спрашиваю.

Я вспомнил, что он живет в одном доме с Вероникой. И мне страшно захотелось, чтобы он согласился. Может, увижу Дымову. Увижу ее неровную челку и синие глаза. Да, Дымова челку отрезала и волосы, сейчас у нее они по плечам болтаются, и мне это в кайф. Ей чертовски идет. И мне резко в радость эта неровная челка.

– Ага, давай, я обрадуюсь! – согласился Кетов.

Я остановился у светофора. Когда зажегся зеленый и я осторожненько даванул на газ – мотор заглох.

Завел двигатель, теперь на сцепление не дождал, мотор – чух-чух! – опять замолчал в тряпочку. Не потому, что машина плохая, водитель – чайник. За мной уже супертачки концерт устроили. Черт, тороплюсь, еще и поэтому не получается... Чего сигналият? Можно подумать, через секунду их лайнеры в небо взлетят. Повернул ключ зажигания, снова одной ногой на сцепление надавил, другой – на газ, в этот раз газанул слишком сильно, мотор просто взревел.

– Ты что, в космос? – засмеялся Кед.

– А! Ноги должны педали чувствовать, а у меня они пока их только находят и не путают, – объясняю. – То с плюсом давлю, то с минусом. – Я медленно поехал по улице. – Отец учил, учил, а потом рукой махнул. Сказал, со временем будет о'кей. Практика нужна.

Я переключился на третью, потом на четвертую скорость.

– Ага! А то спутаешь тормоз с газом! – сказал Кетов.

– А что? Такое бывало.

– У тебя?

– Да пока, слава богу, нет. Рассказывали, девчонка какая-то вместо тормоза на газ нажала и – человека задавила.

– Ни... – выругался Кетов. – Не, лучше велик! В сто раз лучше.

– Будет время, все на велики пересядем.

– У-у, когда это еще будет! Когда воздуха совсем не останется.

Едем мы потихоньку. И все меня на обочину тянет, мне кажется, там безопаснее.

- Слышь, Зима, ты деньги на выпускной сдал?
- Да. Неделью назад еще.
- Кетыч вздохнул:
- Ну я, значит, на выпускной не пойду.
- Что так?
- Да попробуй у них деньги выклянчи. Украсть, что ли?
- Займи у кого-нибудь. Работать будешь – отдашь с зарплаты.
- А что? Это мысль. Работать-то я точно буду. Как пить дать... Слышь, а ты что, на Дымову запал?
- С чего ты взял?
- Что я, слепой, что ли? Зыришь на нее.
- И что дальше?
- Веришь в любовь?
- А кто же в нее не верит?
- Я.
- Откуда же дети появляются?
- Это не любовь, брателло. Это инстинкт. Вот у меня родичи. Каждый день скандалят. Вернее, каждую ночь. Отец дверью хлопнет, смоемся. Налижется – и ночью в дверь давай бабахать. Спите, детки, я не шумлю. Ну вот... Он бабахает, а мать не разрешает открывать. Не хочет его домой пускать. Вот такая любовь...
- Как же ты спишь?
- Спишь! Вот так и не сплю... Соседям спать не даем, они нас уже ненавидят. И даже мелкого, Димку. Это все из-за них... дебилы!
- Чего ж тебя-то не любить... ты же не виноват?
- А все равно. Папуасовы родоки нам на балкон послание кинули: будут заявление в полицию писать. А сами не пишут. Я за то, чтоб писали. Скажи им! Пусть предков полиция урезонит. Я вообще уже армии жду не дожусь! Смоюсь от них на фиг... А эта Дымова ничего, – как-то неожиданно он снова перескочил на Нику. – Я ее с песочниц знаю. Вместе пирожки лепили. В песочнице-то! Она меня кормила, прикинь? – Кед похихикал. – Она вроде не скандальная. И родители у нее вроде тихие. Но она ведь, это... некрасивая.
- Я так не думаю, – холодно отвечаю. Сейчас он у меня в лоб получит.
- Как моя мать говорит, «ни рожи ни кожи», – продолжал Кетов.
- Заткнись.
- А что? Я правду говорю!
- Я въехал во двор Кетова, остановил машину.
- Я в последнем подъезде живу, – напомнил Кед.
- Ничего, доползешь. Вылазь...
- Ну-ну, – вдруг разозлился Кетов. – Между прочим, я с твоей... этой, как это?... пассией – в одном подъезде живу. Отобью еще. Не боишься?
- Я толкнул башмака плечом.
- Сказал: вали!
- Вилька Вельс со Стрекаловой тоже кадрился – бросил. Потому что любви, – Витек так поводит перед лицом указательным пальцем, как дворники по переднему стеклу машины ходят, – не-ту. Ни-ни.
- Кед вышел, потом сунул в открытое окно со своей стороны лицо и сказал на прощанье:
- Слышь, Кимка, любовь – лажа... плюнь на нее...
- Будем считать это благодарностью за то, что я тебя подвез, – сказал я и тронул машину.

Кед дважды хлопнул дверцей, чтобы она закрылась, и показал, как надо плюнуть: смачно, со звуком. Свой плевок он растер ногой в кроссовке и поплелся к своему подъезду – высокий, сутулый, и таким он мне показался несчастным, что хоть беги следом и утирай ему сопли.

Мне все-таки пришлось подъехать к его подъезду, чтобы развернуться на площадке. Я перегнал Кеда и увидел в зеркало заднего вида, как он снова плюнул вслед моей машине. Это, наверно, тоже в благодарность. Мне расхотелось его утешать. По мере того как я разворачивался, двери подъезда открылись и появились... Ника с матерью. У меня екнуло и забило сердце. Похоже, уже не только мои глаза, но и мое сердце стало Нику видеть. Погода была теплая, хотя мрачная, с синими облаками, и на Нике была голубая ветровка с капюшоном в дырочку. Нет, что бы ни говорил этот женоненавистник, Ника хорошенькая, и ей так идет этот капюшон с дырочками и неровная челка...

Я открыл дверь:

– Привет, Дымова! Вас подвезти?

– Привет, – отозвалась она. – Нет, спасибо, мы сами... У меня мама за рулем.

Она прошагала к серебристому «Форду».

Я вежливо кивнул ее матери. Деревенская картина с Никиным ухом в ее руке все еще была на моем внутреннем экране. Дымовская маман модно одевается и вообще больше похожа на ее сеструху, чем на родительницу. Блондинка, блин...

Дополз до подъезда Витек.

– Уроды все! – бросил он так, чтобы я услышал, снова сплюнул через плечо и скрылся за дверью.

Во слюны у хлопца накопилось! Ядовитая, наверно. Надо посоветовать – пусть сдаст на анализ.

Ну вот. Дождь полил. Это не облака были синие, а тучи. Весна в этом году вообще какая-то малокровная. Как будто ее вообще не было. А было вот что: Ника, консультации, деревня Волки, машина, уроки вальса, и снова – Ника в натуре и в моей башке. Такой вот фон к весне. Оп, абшибка. Это весна была фоном. Она галопом примчалась к последнему бубенчику, пардон, звонку.

Последний звонок

Последний звонок прошмыгнул по школьному залу. Девчушка из мелких в стариной школьной форме изо всех сил трясла медным колокольчиком. Но он почему-то грустно звонил. Одиннадцать лет назад он захлебывался от восторга. Сегодня некоторые девушки ревели реальными слезами. И Ника тоже прослезилась, я узнал ее белый платочек, который мелькал туда-сюда, вверх-вниз.

А чего реветь? Мне нисколько не грустно.

Нас обвязали красными лентами, словно коробки с тортами. Хорошо еще, что надпись на лентах была приличная: «Выпускник». Нас изготовили в школе и выпустили 25 мая 2013 года. Нажелали «продуктам» морального и вещественного добра и пустили в мир. Мы поскакали в город, в парк, где обычно все выпускники собираются – у глупого памятника бордовому ноздреватому сердцу. Там влюбленные назначают свидания, и вообще – это самое в городе молодежное место. Насчет свиданий – тупизм полный: что, все пары на глазах друг друга целуются? Нет, я там свидания назначать не собираюсь...

Мы толпой погнали до этого бетонного сердца, там потусовались с выпускниками из других школ. Все с цветами-шарами, смехом-слезами. Девушки – в школьной коричневой форме, где они ее выкопали? У бабушек на чердаках? Не знаю, что бы мы тут нарядными толпами дальше делали, но нас выручил дождь. Как хлынул сквозь тополиные ветки! Все готовыми компаниями поскакали в разные стороны света и заняли в городе все кафешки. Наш класс нашел приют в «Березах и пальмах». Березы были за окном, а пальмы стояли в зале, в горшках, и доставали почти до потолка. В горшках они были живые и веселые, а на крыльце стояли огромные пыльные, скучные decoration⁵.

«Здесь смешался глас рассудка с легким блеском болтовни»⁶. Когда мне надоели и глас, и блеск, я послал Веронике эсмэску, чтобы мы пошли и погуляли в дожде. Она не ответила. Как всегда. Я привык к ее молчанию. Видно, так и не удастся мне ее разговорить до самого окончания школы. Оп, блин! Да ведь сегодня мы ее закончили! Остался какой-то несурзанный хвост в виде ЕГЭ и выпускного.

Дымова была очень мила в детском коричневом платье и белом фартучке. Так бы и расцеловал эту милашку! Стал ее на сотик снимать, она увидела и спряталась за Наташку.

⁵ Decoration – декорация (англ.).

⁶ Из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро».

Вероника

В утро экзамена меня покормили такой эсэмэской:

Особенно тщательно почистите зубы мудрости, сударыня...

Трясусь от страха. Побольше бы мне зубов мудрости сегодня! У меня их, как назло, вообще нет! И что? Завалю, значит, экзамен?

Ну уж нет! Нет, Зимин, нет!

Аким

До тошнотиков официальные, малость растерянные, мы сидим в классе, нам раздают пронумерованные листки с экзаменационными вопросами...

И вот уже мы сдали эти листы, народ толпится у подоконников, обмениваясь ответами. Я послал Нике пламенный взгляд, поймал прохладную улыбку и погнал на улицу. Не стал ни у кого ничего спрашивать. Как написал, так и написал – что теперь изменишь? Выскочил на улицу, а там такой классный ветер. Потрепал по волосам и шепнул сразу в оба уха: все нормально, парняга!

Вот те раз! У нас с Дымовой одинаковое количество баллов! Восемьдесят!

Сдали через пять дней и следующий экзамен.

Да ничего, в общем, страшного в ЕГЭ этом. Правда, Кеду не повезло. На экзамене по матеше у него ручка забастовала – и первая, и вторая. Но учителя словно знали: у них был целый веер запасных ручек с черной пастой. Но Витек все равно завалил математику. Похоже, что обе его ручки об этом знали заранее. Будет пересдавать.

Можно передохнуть, а потом еще два экзамена – и мы свободны, как птицы!

«Дымова, едем в деревню на моем драндулете?»

Вероника

Дымова, едем в деревню на моем драндулете?

Такая мне пришла эсэмэска.

И вдруг я совершенно неожиданно для себя ответила:

Нет, ты, Зимин, наверное, еще поучись.

Это был мой первый ответ Кимке. Вообще в жизни первый ответ парню. Первая записка. Расту!

Все в классе знают, что Акимку купили машину, старую, но зато – собственную, чтобы он учился водить хорошо и не боялся, что ее разобьет. Некоторые парни поиздевались над ним. Вадим Разманов сказал, что он в такую машину сесть постыдится. Кед его поддержал. А мне кажется это разумным: купишь машину за миллион и, не владея водительским мастерством, ее покалечишь. И что хорошего? Пропадет столько денег! А эту – не особо-то и жалко. И он теперь каждую свободную минуту ее объезжает.

Я удивилась своему ответу: «Нет, ты еще поучись». Я ведь вовсе не собиралась с Акимом ехать! Никогда и никуда! А тут – «еще поучись». То есть можно было понять, что после того, как он поучится, я вполне могу сесть в его колымагу. Ой, просто не знаю! Не знаю... Но вот что я стала замечать: когда я прихожу в школу на консультацию по биологии и вижу, что Акима нет, мне становится скучно. Скучно без его взглядов. А их и не будет больше. Он физику сдает, у нас теперь разные интересы. А если мы встретимся случайно в коридоре и он глянет на меня своими озорными серыми зайчатами, я сразу успокаиваюсь. Почему? Что случилось? Почему, если утром я не прочту его глупую эсэмэску, у меня плохое настроение? Вчера, не получив ее, расстроилась. Уже в одиннадцать часов эсэмэска прилетела:

С добрым проспатым утром...

Это он дрых до одиннадцати! Я получила то, что хотела, и настроение выправилось.

Вечером я отправилась в магазин. Это было между консультациями, когда мы в школе не каждый день. Вечер был теплый, один из таких, когда хочется в деревню, на речку. На клумбах в городе распустились анютины глазки и смотрели на прохожих наивными малышовыми глазами. А мордашки у цветов, наоборот, были как у старичков. Детские глаза на стариковском лице...

Почти рядом со мной в людском потоке прошел Кимка. Я его заметила, а он меня – нет. И мне вдруг стало плохо. Я весь вечер думала: он точно не заметил меня? А может, заметил и просто не поздоровался? На что-то обиделся? Я даже хотела ему позвонить. Еле-еле сдержалась. Козлик помигал для меня красно-сине-зелеными огоньками. И я поняла в тот вечер: Зимин мне не безразличен. Да, да! Он меня к себе приручил. Как у Экзюпери. Маленький Принц приручил Лису. И Лис приручил Маленького Принца. Они настроили сердца друг на друга, и час встречи стал для них радостью....

И вдруг стало жаль заканчивать школу! Ведь после выпускного я не буду видеть Акима. А если буду, то страшно редко. И это будут случайные встречи...

Длинный Зимин с озорными глазами. С узкими, как полоска рассвета, губами. Почему я говорила, что у него обычное лицо? Он очень красивый! И потешный. На уроках смешил всех.

На последнем уроке литературы Инна Петровна сказала перед тем, как попрощаться:

– Ну вот, ребята, школа заканчивается. Наверное, вы всех литературных героев сразу и забудете.

Зимин отозвался с «камчатки»:

– Не, Инна Петровна. Я не забуду. Я Наташу Ростову замуж возьму. – Все засмеялись, а Зимин добавил: – Оп, нет, нет, пардон! Я женюсь на Марии Болконской!

– Она же того... некрасивая, – повернулся к нему Тимошка Ганов. – Только глаза.
– Она классная, Тимыч! Николай Ростов тебе что, придурок? Они счастливы вместе!
– Вижу, что помните, – засмеялась Инна Петровна. – Значит, не зря мы изучали Толстого.

А Папуас запел, надевая рюкзак на плечи:

– Счастливы вместе, счастливы вместе⁷...

Все же популярные сериалы народ помнит лучше Толстого.

Родители с Елисейкой уехали в деревню вечером в пятницу, как обычно. У нас же в субботу были консультации, а потом мама велела мне тоже ехать на дачу автобусом. В воскресенье идем в церковь, будет молебен за всех учащихся – чтобы нам экзамены сдавалось легче.

Автобус – полным-полна коробушка. Время на дачах горячее, все туда рвутся. Кто картошку сажает, кто шашлыки жарит – у кого какой интерес. Погода установилась. «Черемуховые холода» отошли, черемуха отцвела, весь ее цвет, как сухой снег, под деревьями. «Сыплет черемуха снегом» – в шестом классе учили. В городе делать нечего тем, кто экзамены не сдает.

В автобусе мне досталось местечко на сиденье сзади, там, где стоящим на задней площадке пассажирам смотришь в лицо.

В последнюю минуту перед отправкой в задние двери автобуса вскарабкалась старушка с палочкой. Еще поднимаясь по ступенькам, она стала буравить меня взглядом. Я вскочила и быстренько уступила ей место.

– Спасибо, деточка, спасибо... – Старушка горестно склонила голову к плечу. Такая она была жалкая, старая, одета плохо, но куревом от нее несло – как от заядлого курильщика.

– Спасибо, – снова поблагодарила она и тронула меня за плечо.

– Да пожалуйста, не стоит. – Мне захотелось отодвинуться от нее подальше, мне сигаретный запах не нравится, но народу было много, не протолкнешься, да и не хотелось как-то толкаться.

– Спасибо, – еще раз сказала старуха.

Это уже слишком. Что она ко мне пристала? Я все-таки попыталась протиснуться подальше от нее к окошку и услышала очередное «спасибо», адресованное мне.

На остановке зашел парень с бутылкой воды в руке. Старуха еще из окна увидела, что он с бутылкой, и насторожилась. Он зашел и встал рядом с ней, а она вдруг с необыкновенным проворством откуда-то из своих юбок вытащила пустую пластиковую бутылку и протянула парню.

– Отлей, милоч, таблетку запить.

Парень умудрился в тесноте отлить старушке водички. Люди с боков спрессовались, чтобы он это сделал.

Она так же проворно запила какую-то таблетку.

– Спасибо, мил человек, – медовым голосом поблагодарила она.

– Пожалуйста, бабушка, – ответил парень.

Я засмеялась. Сейчас начнется...

– Спасибо, деточка, выручил меня, – завелась старушка через полминуты.

Парень пожал плечами.

Она протянула сухую лапку, коснулась его широченного плеча:

– Спасибо!

⁷ «Счастливы вместе» – популярный телесериал.

– Пожалуйста, бабушка, пожалуйста, на здоровье! – Парень протиснулся на заднюю площадку, и мы оказались рядом. Переглянулись и засмеялись.

Да... вот это старушка... может, она и была больная и немощная, но уж больно прыткая. Может, это старуха Шапокляк собственной персоной?

Автобус тряхнуло на ухабе. Я схватилась за поручень и посмотрела в окно. За нами ехала старенькая «шестерка», таких только две штуки в городе осталось. За рулем сидел парень. Он улыбался, как будто тоже знал, что старуха Шапокляк едет в нашем автобусе. Ой, да это же Аким! Зимин увидел, что я на него смотрю, и рукой помахал. Ничего себе: направляемся в деревню в одно время. Не сговариваясь! Его машина едет за нашим автобусом, как на веревочке.

Он на меня показал, а потом – на сиденье рядом с собой. Ага, это чтобы я на остановке вышла и к нему пересела.

Я помотала головой и отвернулась. Чего это я к нему сяду?

Но было приятно, что он за мной едет. Почетный эскорт.

А потом нахлынули на меня «школьные» мысли: про выпускной, про оставшиеся экзамены. Скоро, скоро я скажу: прощай, школа. Почему-то, когда я об этом думаю, сразу вспоминается Зимин. Как будто школа – это и есть Зимин. И в сердце начинает ворочаться ледышка. Словно мне жалко прощаться со школой и с ним. Да и правда ведь – жалко! А с чем-кем более жалко? Со школой или с Кимой? Не знаю!

У девчонок в школе только и разговоров, что о выпускном бале. О нем судачат даже больше, чем об экзаменах. Показывают друг другу на сотиках, какие купили платья, какие у кого каблук на туфлях, как они в этот вечер накрасятся, сами макияж сотворят или в салонах. Надя Воробьева и Лада Данилова уже два месяца в солярии бледность изводят. Сейчас у наших такие ключевые слова: «экзамены», «заявление в институт», «платья», «туфельки», «выпускной»... И все это вперемешку. Но главное – выпускной.

Можно подумать, все мы готовимся к свадебному балу, на котором каждая из нас – невеста английского принца.

Мне тоже купили платье – длинное и белое. Оно делает меня выше, стройнит, как сказала мама.

Во всех этих размышлениях я не заметила, как автобус резко затормозил перед светофором. И тут же послышался звук: бамс! На нас кто-то наехал сзади! Автобус остановился.

Это Зимин вмазался в наш автобус. Скрежет металла, глуховатые звуки бьющегося пластика...

Ужасно. Слава богу, «шестерка» пострадала без водителя. Надеюсь, не из-за меня Аким вляпался. А если из-за меня? Если он на меня смотрел? (Как будто есть на что смотреть.) Зачем я подошла к окну? Лучше бы рядом с Шапокляк стояла. Пусть бы она меня долбила своим «спасибо», я бы от этого не умерла. Ворона! Я, я ворона, не старуха, она-то при чем?

Но ведь я от Зимина отвернулась! И на что же тогда вообще смотреть?

Пассажиры из автобуса попросили. Старушка на своем месте сидела дольше всех, отпивая благотворительную водичку из бутылки. Очень не хотелось ей выходить. Она последняя выползла – я это увидела, уже стоя рядом с растерянным, убитым горем Зиминим. Старуха вылезла, поозиралась по сторонам. Поняв, что никакой выгоды от нашей аварии не светит, пошкрябала на следующую остановку за остальными пассажирами.

Приехала дорожная служба разбираться. Да что там разбираться? Все было как дважды два ясно. Аким во всем виноват. Автобусу – ничего, он покати себе в парк перышки чистить, а Кимка с убитым лицом стоял на обочине, пока офицеры дорожной службы измеряли куски

дороги. У «шестерки» была разбита правая фара и сбит передний бампер, он валялся в метре от машины.

– Не расстраивайся, – попробовала я его успокоить. – Починишь.

– Опозорился перед тобой... – Голос парня звучал глухо. – Теперь у меня и морда, и хвост – все лучезарное. Глянь! – Кимка показал на погнутый задний бампер.

– Я тоже позорилась, – вспомнила я свое горящее ухо в маминой цепкой руке. Та еще была картинка! Мне опять стало стыдно, давняя краска хлынула в лицо. Повернулась и пошла по направлению к автобусной остановке.

– Ника! – окликнул Аким.

Я обернулась с гордым выражением верблюдицы на лице:

– Что?

– Это был не твой позор, – сказал он глухим голосом, – не бери на себя чужой косяк.

В следующем автобусе мы оказались рядом с тем же попутчиком.

– Твой знакомый? – Парень кивнул назад, туда, где остался мрачный Зимин с покаленным драндулетом.

– Ну да, – кивнула я, – это мой одноклассник.

– Видно, что чайник. Чайник и лопух. Передай ему: дистанцию держать надо. В городе скорость маленькая, а на трассе? Кто-нибудь впереди тормознет, он ткнется на скорости – и привет!

– Кому привет?

– Парню твоему! «Кому»! – засмеялся попутчик. – Летальный исход.

– Вовсе он не мой, – пробормотала я. И вдруг меня захлестнул ужас: Кимка может разбиться?

Первое, что я сделала, когда вышла из автобуса: вытащила телефон и отправила эсэм-эску:

Зимин, держи дистанцию. Пожалуйста!!!

Мгновенно прилетел ответ:

Не понял. Какую дистанцию?

Между мной и тобой – нет!

Аким

Блин, вот горе-водитель! На глазах Дымовой тюкнулся в автобусный зад. Что, я не знал, что дистанцию соблюдать надо? Автобус резко тормознул? А я что, не знал, что рядом перекресток со светофором?

Машина так и стоит побитая в гараже. У нас гараж на две тачки. Красотка папенция сияет и пыжится перед бедной родственницей. «Лексус» отец год назад приобрел. Ремонт мне некогда заниматься. Еще два экзамена сдать. Папенций особо-то не ругался, но сказал, что чинить мою старушку не собирается. И денег не даст.

– Сам на ремонт заработаешь.

Придется. Что сейчас классно – выпускные в школе и вступительные в институт the same⁸. Так что отправлю заявку в институт и устраюсь работать. Починю свою лошадь.

Через неделю парадный вечер. Экзамены я сдаю нормально, родители довольны, костюм висит в шкафу – хоть сейчас на бал. Сегодня Алена Самойлова дает последний урок по вальсу.

Жалко, что Дымова не вальсирует. Вальс. Данс. Танц... С ума сойти, как похоже.

⁸ The same – одно и то же (англ.).

Сказка выпускного бала

– Что такое? Наташ, гляди! – Вероника толкает подругу локтем. – Почему все на улице? Девушки подходили к школе с любопытством, смешанным с беспокойством.

Сегодня у них выпускной вечер, почему же выпускники толпятся на улице возле школы? А разряженные... принцы все и принцессы! Обалдеть просто! Ух, какое платье у Кати Стрекаловой! Пышный волан почти до самых тротуарных плиток. Красное, просто пламя! И в волосах красный цветок! А Папуас! Он ли это? Где его всегдашние футболки и бандана? Колька во взрослом костюме с галстуком. Он сегодня просто красавчик! С ума сойти!

– А Кимка-то Зимин, глянь! – воскликнула Наташа.

Ника нашла в толпе Акима и зарделась от удовольствия. Аким, похоже, давно увидел ее и смотрел. И улыбался. Но слегка, словно внутрь себя улыбался, не ей.

Он стоял среди парней, но Ника видела только его лицо и никого вокруг больше. Оно казалось надменным, может, потому, что он смотрел на нее свысока. Губу прикусил, сощурился... Чего это он так пристально смотрит? Ника покраснела.

– Какая ты... – произнес Зимин, когда девчонки приблизились к месту, где столпился их 11-й «В». Подошел к ней вплотную, дернул за руку и сказал.

Ну да. Ника постаралась, чтобы выглядеть хорошо. Завила волосы – они спадали на плечи локонами. Сделала макияж. Из своей заветной конфетной коробки достала для этого случая серебряный кулон в форме сердечка на серебряной же цепочке, повесила на шею. Вообще-то, это был медальон – сердечко раскрывалось, только непонятно, что можно поместить в такое крохотное пространство. Оно и было пустым. Ну и платье. Белое длинное платье струилось по телу почти до самой земли. У плеч, на широких бретельках, – небольшие легкие крылышки. Нике казалось, что платье уж чересчур красивое. Можно было бы подобрать попроще, но мама настояла на этом, роскошном.

– Ты тоже взрослый сегодня, – сказала Ника и прикусила губу. Взгляд Кимки был не простой. Сильно взрослый. Оглядывает ее всю – с головы до пят. – Ребят, а чего в школу не пускают?

– Да шут их знает! Может, наводнение по закону подлости? Трубы лопнули?

– Спорим – это какой-то сюрприз! – шепнул девчонкам Папуас. – Директриса-то у нас, сами знаете, креативная тетка.

– Аттестат Папуасу не выдадут – вот и будет сюрприз! – хохотнул Тимошка Ганов.

– Типун тебе на язык! Чего это мне не выдадут? А может, тебе не выдадут?

Когда стали возмущаться пришедшие на вечер родители, в школьном здании загремела музыка. Послышался звук залпа, и над школой вспыхнули пучки разноцветного искрящегося салюта.

Вау-у!

Выпускники завопили и хлынули в распахнувшиеся перед ними школьные двери.

– Эй, Папуас, в последний раз ты сюда заходишь! – пискнул на ступеньках крыльца семенящий за Колькой и подталкивающий его в спину Семка Пивоваров из 11-го «А» – подросток, несмотря на то, что и он выпускался, несозревший фрукт, не имеющий усов.

– Да и слава богу! – пробасил Папуас.

– А охранник где? – спросил кто-то рядом. – Мне его не хватает!

– Что, сигаретку стрелнуть не у кого?

– Никаких сигареток! – строго предупредил кто-то из взрослых.

– Ну вот... зачем родителей-то притащили? – шепнул Папуас Акиму. – Не хватает нам дома присмотра.

– Да ладно, расслабься, им тоже надо повеселиться, – ответил Кимка.

Ника вошла в школу и ахнула. Да и все были удивлены. Привязанные к перилам лестницы, у входа висели три синих облака. Вернее, даже это были не облака, а три сверкающие тучи: синие шарики, в каждой туче по тридцать, да не простые, а поименные: шар Вильгельм Вельс, шар Дмитрий Алешин, шар Аким Зимин...

Лестница в школе – парадная. Два марша с двух сторон ведут на площадку второго этажа, затем они объединяются в один широкий – на третий и там опять разбегаются. Сейчас на одной из лестниц, ведущей на второй этаж, стояла директриса Елизавета Трофимовна с микрофоном в руках. Та самая креативная тетя, о которой вспоминал Папуас.

– Дорогие выпускники! Средняя школа номер сто двенадцать приветствует вас на последнем в вашей жизни школьном вечере – выпускном! – торжественным голосом начала директриса. – Вот эти воздушные шарики для каждого из вас. Они олицетворяют вашу мечту. Берите каждый свой воздушный шар и проходите в актовый зал!

С веселым трепом, воодушевленные торжественным приемом, народ трех выпускных классов разобрал шары и направился куда им велели.

Все шли с шариками, а Ника – без. Для нее шара не оказалось. Это было немножко неприятно, немножко грустно. Вроде бы пустяк, а царапал. Да, такая она неприметная – про нее забыли, когда именовали шары. Про кого же забыть, если не про нее. Она же Ворона!

Правильнее было бы сказать, что вороной оказался кто-то из тех, кто готовил сюрприз, но она привыкла все брать на себя. Ника заметила, что Кимка на нее сочувственно поглядывает. Как родитель на свое чадо. Вот и сейчас стрельнул в Нику взглядом. Заметил, что она без шара. Растолкал одноклассников, подошел к ней.

– Хочешь мой шарик? Мне не нужен. – И протянул шар.

Он знал, что все девчонки ужасно мнительные. Что Ника расстроена. Дымова промолчала.

– Ника, возьми! Пожалуйста!

– Я похожа на Акима Зимина? – спросила, поморщившись, Ника. Ткнула в надпись на шарике: «Аким Зимин» и отклонила руку с шаром.

«Зачем они шарики поназывали? – досадовал Аким. – Еще бы написали «16+». Вот и настроение у Дымовой испортилось. В самом начале выпускного!»

Шары для выпускников – первый сюрприз. А теперь они смотрели на стены вдоль лестничных маршей. На них развесили фотографии разных периодов школьной жизни одиннадцатых классов, когда они учились в первом, пятом, десятом... То один, то другой тыкал в снимок пальцем и восклицал:

– Смотрите, это же я! О господи, какой сопляк!

– Ой, Кира, а это ты! Просто пупсик! Где сейчас твои бантики?

Ника тоже узнала себя на одной из фотографий. Она стояла рядом с первой учительницей и, наклонившись всем корпусом вперед, что-то высматривала. Она была с цветами в руках, в синей джинсовой юбочке и в белой вязаной кофточке с широкими рукавами, мама сама вязала эту кофточку. Тогда у них еще не было Елисейки, и мама успевала вязать ей кофточки, свитера, шапочки. Сейчас все это переходит брату. Кроме юбок, естественно. Колготки у первоклассницы Ники тоже белые, волосы длинные, распущенные по плечам, а сверху – белый ободок с бантиком. Куколка! Какие же все девчонки были куколками в первом классе. А мальчики! Глаза широко распахнуты, удивлены, казалось, вбирают в себя весь мир.

А сейчас! Некоторые из них такие циники! Тот же Витька Кетов. Глаза у него такие наглые. А одеты! Некоторые и сейчас пришли в футболках, вон, Димка Цыпляев из одиннадцатого «А». Как на футбольный матч приперся. Ладно, хоть чистая у него белая футбо-

лочка, и на том спасибо. А впрочем, что это она – да пусть хоть как одеваются! Вот Аким молодец. Какой у него сегодня стильный серый костюм. И галстук в тон – интересно, сам подбирал или родители помогли? Ника кинула в сторону Зимины одобряющий взгляд. Виля Вельс тоже хорош. Он вообще как жених в черном классическом костюме-тройке.

Оставили в своем классе вещи – сумки, косметички, бутылки с водой и лимонадом. Девчонки привязали шарики к стульям, парни выпустили их в коридоре рядом с классом, и они, как головастики, извивались хвостиками, прилипшие к потолку. Колька Папуас так и ходил везде с шариком, держась за веревочку, как Пятачок с голубым шариком Винни-Пуха.

В зале выпускников ждали учителя. Все! И даже первые учительницы одиннадцатых классов были тут. Народ сам ездил к ним с пригласительными открытками – приглашали лично. Не по телефону. Не по электронке. Уважили! Как же учительницы могли не прийти! Нарядные, торжественные, как все вокруг, и... уже немножко старенькие. У их первой учительницы Галины Евгеньевны старомодные букли на голове. Морщинки с уголков глаз пустили корни на щеки. Нике всегда жалко глядеть на старых людей. Ей перед ними даже немножко стыдно. Ведь у них, молодых, вся жизнь впереди, а стареньким – что осталось? Хвостик-веревочка от воздушного шарика.

Аплодисменты! Ничего себе! Это их, сопляков, учителя приветствуют аплодисментами! Это, пожалуй, первые аплодисменты в их жизни! Для кого-то они станут привычными. А что? Зина Богомолова из одиннадцатого «Б» наверняка поступит на актерский. Она ужасно красивая, ужасно талантливая: все школьные годы участвовала в концертах, стихи читала, сценки показывала, танцевала. Да как! Зрители в зале замирали, а потом отбивали ладони. Будут, будут у Зиночки и аплодисменты, и цветы, и оvation. И конечно, поклонники. Шикарная жизнь! Ника в этом не сомневалась.

Аплодисменты смолкли.

– Дорогие ребята! – Слово взяла опять Елизавета. Она же хозяйка, когда хочет, тогда и берет. Нет, надо отдать ей должное, хозяйка она отличная. До всего ей было дело: до горячего питания, до чистых туалетов, до цветов на подоконниках. Однажды Ника поливала цветы в коридоре, она проходила мимо и спросила:

– Ну как, хорошо растут? – И, когда Ника кивнула, добавила: – Ведь когда много цветов, это красиво?

– ...Вот и наступил торжественный миг, – продолжала Елизавета, – вы сдали экзамены и сегодня прощаетесь со школой. Прощаетесь с классами и коридорами, с этим актовым залом, – директриса обвела руками вокруг, – и столовой. Больше не зазвучат в школьных коридорах ваши шаги. Вам, наверное, немного этого жаль – во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы вы жалели. Но сами классы и коридоры, столовая и библиотека, конечно же, будут помнить вас – милых, умных, не всегда дисциплинированных школьников. А сейчас позвольте вас, наши дорогие выпускники, пригласить на последнюю в вашей жизни экскурсию по школе.

По рядам выпускников пронесся шум и смешки. Что? Экскурсию по чему? По школе? По этой школе, где знаком каждый уголок? Где прятались в туалетах? Где сбегали с уроков? Где, разбежавшись по коридорам, стремительно выпрыгивали на лестницу, чуть не снося дверей? Ха. Ха. Ха.

Кимка сказал своему классу:

– Не переживайте, детки, дома вам тоже будет экскурсия, вам вашу комнатку покажут, кроватьку...

Кед добавил:

– Тоска. Опять эта школа...

Ника тоже удивилась предстоящей экскурсии. Елизавета Трофимовна действительно креативная тетя. Но раз креативная, значит, понимает, что делает. Значит, будет интересно! Ника до сих пор доверяла взрослым, несмотря на скептический подростковый возраст. Кстати, может, возраст уже и не подростковый? Конечно же! Сегодня они официально вступают в юность.

– Сопровождать вас будут ваши классные руководители, – добавила директриса. – А мы пока приготовим в столовой угощение для вас.

– Вот это правильно, – негромко одобрил Витек. – Шампанского только побольше, господу, побольше.

– Одиннадцатый «В» – за мной! – скомандовала классная Лилия и, как настоящий командир, решительно двинулась вперед. Ей только красного флажка в руке не хватало. – Давайте поорганизованней, ребята! Николай, Виктор, вы куда?

– А? Да мы хотели воздухом подышать на улице, Лилия Игнатьевна! – невинным голосом сказал Папуас.

– Ничего, покурите попозже. Сейчас все идем на первый этаж, в первый класс какого года? – обратилась она ко всему 11-му «В».

– Две тысячи второго! – хором подсказал класс. Дяди и тети вошли в роль первоклассников.

– Люди, бегом в прошлое! – воскликнул Аким. – Смотрите, там не потеряйтесь!

– Вот именно – в прошлое, – повторила классная.

Никто не заметил, как их первая учительница Галина Евгеньевна семенила последней, в хвосте. Она просто не поспевала за своими великовозрастными учениками.

Класс как класс. Только столы поменьше. Уселись кто как сидел в этом году. Кимка – на последней парте, Ника – на третьей в первом ряду, с Наташей Кругловой.

– А я помню, где сидела в первом, – шепнула Наташа Нике, – на второй парте.

– А я тут же, на третьей, – сказала Ника.

– Какая ты постоянная! – покачала головой Наташа.

– Да уж. Я и сама не рада своему постоянству, – засмеялась тихонько Ника.

За учительский стол прошла Галина Евгеньевна. Окинула всех изучающим взглядом.

– Здравствуйте, дети! – поздоровалась полуслушливо.

«Дети», смеясь, встали и как тогда, одиннадцать лет назад, нестройно ответили:

– Здра-авствуйте!

И засмеялись все. Ну и басы у парней! Испугаться можно!

Парни стояли вкривь и вкось, кто-то сутулился за маленькими столами, кто-то выставил ногу в проход. Наряды девушек не позволяли им криво стоять, выпрямились как свечки. Как тогда, в первом классе.

– Ровнее, ровнее встали, та-ак. Плечики вперед... – командовала Галина Евгеньевна.

Никто и не подумал переменить позу. Кед поморщился, как от зубной боли.

– Ну что ж, мои дорогие... Сначала мы спешим во взрослую жизнь, а потом мечтаем вернуться в детство?

Она, наверное, себе вопрос задала, потому что выпускников в детство еще не тянуло. Никто не ответил. Только некоторые пожали плечами, выражая несогласие.

– Садитесь.

Шумно сели.

А на экране, висающем на классной доске, уже мелькали кадры первого «В» класса одиннадцать лет назад. Малявки! Вот они, держась за руки, парами возвращаются с торжественной линейки в класс. Стриженные чубчики, а у Акима сзади хвостик. Маленький Кимка Зимин споткнулся, чем сейчас вызвал приступ хохота. Как трогательно!

Ника улыбнулась и повернулась посмотреть на Акима, чтобы сравнить: какой ей нравится больше – маленький Аким Зимин или большой? Оба хороши.

И снова перевела взгляд на экран.

Вот Тимофей Ганов так дернул за руку отставшую Надю Воробьеву, что она чуть не упала. Снова смех! А вон и Ника – тот же ободок поверх головы с кокетливым белым бантиком. Маленькая Ника закусила губу, а потом чему-то во весь рот улыбнулась. И все увидели, что у нее не хватает двух передних зубов. Новый приступ хохота!

– А сейчас-то Дымова зубастая! – произнес сквозь смех Папуас.

Кто-то умный, хороший сохранил фильм, снятый еще на видеокассету одиннадцать лет назад.

– Народ, кто киношку снимал? – громко спросил Тимофей.

– Мой папа! – повернулась к нему Саша Пеночкина.

– Дашь переписать?

– Конечно! Только лучше сразу на диск!

– А потом мне!

– И мне!

– Пенка, принимай заказы! На билет в Москву заработаешь! В институт-то поедешь поступать? С каждого рви по тыще!

Галина Евгеньевна оглянулась на погасший экран, провела рукой по седым старомодным кудряшкам и рассмеялась:

– Ну что, дорогие первоклассники! Начнем первый в жизни урок?

Ребята тоже рассмеялись. И в то же время все невольно сели пособранней, руки положили перед собой – одна на другую, изображая законопослушность далекой школьной жизни.

– А в самом деле, ребята, – добавила учительница, – урок-то у вас, увы, последний!

– Вот и хорошо! – выкрикнул Кед.

– Виктору надоела школа... – Галина Евгеньевна покачала головой. – Витя, а ты помнишь, когда за тобой приходила мама после уроков, как ты плакал – не хотел уходить домой?

– Правда, что ли? – спросил Витек. – Ничего себе! Ни за что не поверю!

– Да, дорогой. Вы любили школу, любили учиться. – Она помолчала, рука отделила тоненькую стопку тетрадок, другая рука поворошила получившийся веер, и тетрадки снова легли в общую стопу. – Что сказать вам сейчас?.. Гляжу я на вас, таких молодых и красивых, и сердце радуется. Много говорить нет смысла. Надеюсь, все в вашей жизни будет хорошо. Вы все найдете в ней свое место. А сейчас, Виля Вельс, ты у нас был старостой, раздай, пожалуйста, тетрадки с диктантами за четвертый класс.

– Диктанты за четвертый – ух, ты круто! – одобрил Митя Алешин.

– Да зачем они нужны? Что, работа над ошибками? – проныл Витек.

Виля взял стопу тетрадок, которую протянула ему Галина Евгеньевна, и пошел по рядам.

Ребята не стали разглядывать свои древние манускрипты, многие небрежно свернули тетради трубочкой.

– Жду в этом классе ваших деток, – сказала на прощание Галина Евгеньевна.

Она осталась там, в прошлом, а одиннадцатиклассники повалили по коридору дальше.

Заглянули в библиотеку. Тут их встретила лучезарная Надежда Борисовна. Тоже добрые пожелания. Столовая – та же история. Всех угостили пирожками с капустой – их школьный народец любил покупать чаще всего. Акиму выдали слоеный язык – он его выбирал.

– А-а, вот почему у Зимина язык подвешен! – предположил кто-то.

– Раньше не мог догадаться? – сказал Аким, уплетая слойку и стряхивая с пиджака крошки.

Спортивный зал с огромными, в полстены, зарешеченными окнами. Физрук Олег Иванович – как всегда, в синем спортивном костюме, только мяча под мышкой не хватает. На груди, как утиный клюв, красный свисток.

Олег Иванович вел уроки физкультуры до восьмого класса у всех выпускников, а в восьмом ребята разделились, и у девочек физкультуру стала преподавать Диана Дмитриевна.

– Ну что? Хотите побегать? – спросил Олег Иванович. – Давайте устроим эстафету с мячом. Прямо сейчас. Готовы?

– Не-ет, не готовы!

– Не хотим!

– Хватит, набегались.

– Ну и хорошо. Бегайте теперь по всему миру.

– О, это нам подходит!

– Да, парни, – вспомнил Олег Иванович. – Кто-то из вашего класса кеды забыл на последнем уроке.

– Я! Я забыл! – закричал Витек.

– Возьми в тренерской, Виктор.

– Да пусть у вас остаются. На память о Кетыче.

– Кеды от Кеда, – сострил Кимка, – под стекло их, в витрину!

– Вилька, собери ты тетради обратно, мешают! – попросил Тимошка. – И в класс оттащи. Как старосту тебя прошу!

– Ганов, как староста я это тебе поручаю, – ответил Виля и первый протянул Тимошке тетрадку с диктантом.

– Так и знал, что инициатива наказуема. – Нагруженный тетрадями Тимошка, сокрушенно вздохнув, понес их в класс.

Остальные вернулись в актовый зал, где началась раздача «слонов» – аттестатов.

Аттестат!

Первый документ в их жизни, по которому будут судить, какие они и на что годятся.

Сначала пригласили на сцену медалистов. Им – особая честь и слава. Странно, если бы это было не так. Елизавета Трофимовна попросила их выйти на сцену вместе с родителями. «Гордые, как индюки. И они, и родители», – думала Ника. Да нет, она понимала и разделяла чувства родителей – законно же гордятся своими отпрысками! Дмитрий Николаевич и Ольга Павловна Размановы ведь не знают, что их сыночек Вадька подлый. Думают: какой молодец!

А он вовсе даже не молодец, этот Вадичек из их класса. Он сидел за одной партой с Викой Тирановой. И даже дружил с ней. Во всяком случае, они всюду вместе ходили. И вот однажды Вадька потерял кучу денег, которую он зачем-то притащил в школу. И не придумал ничего лучшего, как свалить это на Вику. На девушку, с которой дружил, с которой они вместе учили уроки и катались на коньках. Вика клялась и божилась, что не видела никаких денег.

– Куда же они делись? – зло кривился Вадька. – Никто не знал, кроме тебя, что у меня с собой десять тысяч.

– А зачем ты такие деньги в школу таскаешь? – спрашивала классная Лилия, которую поставили в известность о пропаже.

– Ну мало ли. Я же не в школе их буду тратить.

Он добился того, что Вика заплакала и выбежала из класса.

А что оказалось? Оказалось, что пенал, куда этот олух умудрился запихать свою «капусту», просто завалился за батарею. После уроков дежурные убрали класс и нашли. Вадька даже не извинился перед Викой! Разве его родители об этом знали?

А за других – Олега Ивайловского и Веру Малышеву из одиннадцатого «А» – Ника искренне радовалась. Золотые ребята.

Ее близкие тоже золотые – папа с Елисейкой пожаловали. Ника увидела, что они входят в зал, и помахала им рукой: «Я тут!» Елисейка у папы на руках, в своей неизменной голубенькой бейсболке. Папа нарядился – в костюме с галстуком, прикид как у выпускника. Он, папа, кстати, очень молодо выглядит! Еще спутают с выпускником, медаль выдадут!

– А мама твоя где? – спросила Наташа, которая тоже увидела папу с Елисейкой. Подруги в зале рядом сидели. Аким – на два ряда впереди, Ника видела его ухо.

– Она в Эмиратах.

– В Эмиратах? По турпутевке, что ли?

– Ну да.

– Ничего себе, твоя мама дает! А когда уехала?

– До экзаменов, на две недели.

– Ничего себе! – осуждающе повторила Наташа.

– Горящая путевка, Нат, прими к сведению.

– Да хоть бы сто раз горящая! Моя бы ни за что не уехала.

– Я не в обиде, Наташ, прикинь. Так что ты тоже на мою маму не обижайся.

– Да мне-то что? – Наташка пожала плечами и вновь уставилась на сцену. Она Нику жалела, не видно, что ли! Во время ЕГЭ многие родители ждали детей за дверью, болели-переживали, чаи готовили с бутербродами, а мама Вероники в это время на песочке нежилась. Может, на песочке-то она и правда лежала, но вот что переживала за Нику, она в этом уверена.

Наташкины родные все тут были. И даже бабушка пришла. Ника бы тоже могла бабушку пригласить, просто не догадалась. Нет, лучше бы у бабушки Елисейку оставить. А то папе приходится тут с ним нянчиться. Не подсказала, Ворона... А впрочем, бабушка, наверно, в деревне, помидоры сажает.

Но если бы Ника ей позвонила, она бы с удовольствием приехала.

После медалистов стали вызывать ребят, получающих похвальную грамоту. Ника удивилась, когда услышала свою фамилию. Елизавета Трофимовна вручила ей похвальную грамоту за особые заслуги в изучении биологии. Очень кстати! В университет просили направлять что-либо подтверждающее любовь к выбранному предмету. Ника пошлет туда эту грамоту вместе с результатами ЕГЭ и аттестатом.

Геля получила такую же грамоту за успехи в литературе. Акиму вручили благодарственное письмо за участие в школьных спортивных соревнованиях.

Раздача «слонов» всех утомила. Было довольно скучно. Каждый вызванный выпускник поднимался на сцену, директриса жала ему руку, вручала аттестат, который загадочным образом выныривал сбоку из-за кулис из чьей-то протянутой руки, и выпускник благополучно отправлялся на место под бравурные звуки туша. Девчонкам было интересно рассматривать на сцене наряды ровесниц, парней в строгих костюмах, превративших их во взрослых мужчин. А парни откровенно скучали и не скрывали зевков. А уж такому маленькому человечку, как Елисейка, раздача аттестатов и вовсе ни к чему. Папа отпустил его с колен на волю, и малыш бродил где вздумается. Да и сам папа куда-то испарился, наверное, на улицу покурить вышел.

Скоро заблудший братик выбрался на сцену из плотных кулис. Вышел, брякнулся на мягкую попу (там у него памперс), поднялся, отряхнул ладошки и давай озираться по сторонам. Гремел очередной раз туш, и директриса не услышала посторонних звуков. Не обращая внимания на многолюдный зал, малыш в голубенькой кепочке смело направился к плюшевому медведю, который для создания уюта сидел на стуле у сцены. Шел двухлетний Елисейка на крепких толстеньких ножках, весь устремленный вперед, выставив руки назад, подобно крыльям пингвина, да еще и ладошками помахивал, и выглядел прелестно, как все неуклюжие малыши. На него невозможно было смотреть без умиления. Зрители оживились, слышались смешки. Елизавета Трофимовна приняла это на свой счет. Поправила воротник блузки, пощупала на плечах газовый шарфик – не упал ли. Все было в порядке, а смех усиливался. Пока Елизавета Трофимовна охорашивалась, загадочная рука протянула из темных кулис очередной аттестат. Глазастый Елисейка как раз направлялся в эту сторону. Он и взял его, раз дают. А директриса, увидев перед собой чудное явление, чуть в обморок не упала.

Зал громко веселился! Одна Ника не смеялась, а сидела с пунцовым лицом, не зная, что предпринять.

Лицо Елизаветы Трофимовны покрылось красными пятнами. Но она – молодец, нашла что сказать:

– Это наш будущий первоклассник? А родители у него есть?

Есть! Где папка, шут бы его побрал! Ника привстала в кресле, озираясь по сторонам в поисках отца. Не нашла, и поняла, что за братом придется выходить на сцену.

Ругая про себя папу, кусая губы, Ника стала выбираться в проход.

Опять позорится! И Аким видит!

Пунцовая, как роза, которую ей вручили вместе с грамотой, Ника протиснулась через ноги сидящих и понеслась к сцене. Торопясь, наступила на подол длинного платья, запнулась и чуть не упала. Зал хором выдохнул: «Ох!» – все следили за тоненькой девушкой и обрадовались, когда она удержалась на ногах. Ника, чуть не плача от обиды на папу, на свое платье, ринулась дальше. Но ее опередили. Аким раньше ее выскочил на сцену, стреб Елисейку в охапку и метнулся назад.

– Аким! – посетовала Елизавета Трофимовна. – Следи за братишкой получше!

Ой, какое Акиму спасибо большое!

Ника, красная от стыда, вернулась на место. Порядок был восстановлен. И люди в зале проснулись – Елисейка всех разбудил!

Ника чувствовала себя ужасно. Именно ее братец помешал торжественной, хотя и затянувшейся процедуре. И еще – она наступила на платье. Чуть не свалилась, Ворона! Вот бы было! Черт бы побрал это платье! Зачем они его с мамой купили? Она помнила, как они его покупали. На улице дождь лил как сумасшедший. За окнами магазина был, казалось, всемирный потоп.

Платье ей сразу понравилось. Когда Ника его примеряла и смотрела в зеркало – оно в магазине во всю стену, – она откровенно любовалась собой. Впервые в жизни! В зеркале ничего так себе была девушка.

– Ты в этом платье совсем взрослая, – удовлетворенно произнесла мама. – Ты так в этом году похорошела, девочка моя.

Насчет «взрослости» Ника была согласна. Насчет «похорошела» – не поверила. Пожала плечами. Так, наверное, все мамы дочкам-выпускницам говорят. Мама купила платье и уехала по турпутевке в Дубай. Правда, она спросила у Ники разрешения. Прямо там же, у зеркала, глядя не на Нику, а на себя:

– Ты меняпустишь в Эмираты? Я понимаю – у тебя экзамены и выпускной, но путевка подворачивается дешевая, мне жаль упустить такой шанс.

– Езжай, – разрешила Ника, – ты мне на ЕГЭ все равно не поможешь.

– Конечно, – обрадовалась мама, – телефон есть – сообщишь, сколько баллов. Хоть отдохну от ненормальной семейки.

Ненормальная семейка – это Кетовы с четвертого этажа. Мать, отец, маленький колясочный ребенок и семнадцатилетний Кед. Судя по набору, семья нормальная – полная, как принято говорить. Но по способу жизни сумасшедшая. Кетовы оживают ночью. Часиков в одиннадцать начинает орать грудничок. Муж и жена выходят прогуляться. Не с ребенком, а сами по себе. Может, они бегают успокаивать нервы, которые им портил младенец. То один, то другой. По очереди. А может, только глава семейства бежит – Ника не знала, она могла только предполагать. У Кетовых в квартире входная железная дверь. И вот они этой дверью – бац! – по ночной тишине. И многие просыпаются. В том числе и Никина мама. У нее вообще потрясающий слух. Нике кажется, мама слышит, как снег падает на землю или как жуки по травинкам ползают. А тут железо в ночи! И шаги по лестнице. Семейка почему-то не пользуется лифтом. Ну, если ночью на лифте ехать – тоже мало не покажется, мама его замечательно слышит. И бедная мама ночами не спит, засыпает вместе с этими полуночниками, часа в три утра. Конечно, не высыпается. И от этого становится раздражительной. Папуасы, живущие прямо над семейкой, тоже мучаются, да еще посильнее. С Кетовыми говорили. У них один ответ: «У нас маленький ребенок. Он ночами не спит. Что ж, нам его выкинуть?» И катают этого ребенка на коляске. Туда-сюда, туда-сюда. Соседи на третьем жалуются, что коляска ездит по их головам. Они тоже не спят. И все мечтают, чтобы этот адский младенец поскорей вырос, просто ждут не дождутся. Вот эту семейку имела в виду мама.

Ника спрашивала у Витьки, что у них ночами происходит.

– Ругаются друг с другом, – Кед криво ухмылялся, – и еще мелкий не спит.

– Может, Димка потому и не спит, что родители шумят?

– А кто их знает? Может, и так.

– А как же ты спишь? – удивлялась Ника.

– Так вот и сплю, – отвечал Витек. – Привык, Дымова. И ты бы привыкла, когда скандалы – обычное дело.

...Отдохнет мама в Эмиратах, а потом все продолжится. Надо бы эту семейку в Эмираты отправить... Да не на неделю, а навсегда. Кед только можно оставить, он не мешает. Нике его жалко. В той семейке он один нормальный. Да и то – слегка. Не верить в любовь – это нормально?

После «раздачи слонов» начался концерт. В последний раз выпускники показывали школе свои способности.

Два человека из 11-го «В» не остались на концерт. Медалиста Вадима родители увезли в ресторан отмечать его первое в жизни «золото». Вместе с родителями уехал с вечера и Виля Вельс.

11-й «В» только сегодня узнал, что через два дня Вельсы навсегда покидают Россию и переезжают в Германию. Сам Виля знал об этом давным-давно, но почему-то не считал нужным сообщать одноклассникам. Всем стала понятна отстраненность Вильгельма от всех классных дел. И тетрадь с четвероклассным диктантом Вельс оставил на столе в классе. И шарик его беспомощно тыкался в потолок.

Бедная Катя! Может, она и не была виновата в том, что Виля перестал приглашать ее в кафе. Он узнал, что покидает Россию, и мысленно нажал на Delete всего, что связано с ней. А значит, и с Катей.

Выплыли на сцену девчонки 11-го «В». Все, кроме одной. Кроме Ники. Ее тоже звали участвовать в номере, но она заартачилась: петь не умеет, да и вообще ничего не умеет.

– Никто не умеет, – уговаривала Наташа, – продемонстрируем солидарность! Давай, ты что? – и тянула подругу за руку.

– Нет. Нет и нет, – твердила Ника.

– Да не уговаривайте вы ее, – сказала Катя, скривив хорошенький ротик. – Покапризничать захотелось ребенку – не ясно, что ли?

И вот сейчас, глядя на одноклассниц, Ника чуть не расплакалась. Так ей хотелось быть тоже там, на сцене, среди своих.

Девчонки вольно расселись на стульях – кто где, как в гостях у задушевной подруги. И пели так, словно песня застала врасплох: услышали музыку и запели по зову души. Геля – руку положила на спинку стула, Лада – сложила руки на груди, Саша с Надей сидели обнявшись, Катя глядела вдаль, у Наташи в руках был плюшевый мишка, тот, который для уюта на сцене сидел.

К уху Ники склонился Толик Корабликов из одиннадцатого «Б», сидящий сзади.

– А ты почему тут? – спросил Кораблик. – Почему не поешь?

– Горло болит, – соврала Ника, горько усмехнувшись.

Да потому что она Ворона! Белая ворона. Хочет со всеми петь – и отказывается. Хочет, чтобы Зимин на нее смотрел, – а сама отводит глаза. Хочет, чтобы мама во время экзаменов была рядом, – говорит «уезжай».

На нее оглянулся Аким. Он сидел на два ряда впереди, с Елисейкой на коленях. Также, наверное, удивляется, почему Ника не на сцене. Вроде не безголосая. А Нике хотелось заполучить к себе Елисейку. Брат только пять минуточек посидел спокойно, потом стал дергаться, теревить Кимкины уши – почему-то Елисейка любил у всех уши трогать. Аким предлагал тонну усилий, чтобы удерживать на месте маленького непоседу. Нике было неудобно, что Зимин возится с ее братишкой. Надо Елисейку к себе забрать, но это ведь опять выбираться из середины ряда, а вдруг она снова споткнется на виду у всех... В этом платье она такая неуклюжая! Зря они купили длинное. Все девчонки пришли в коротких, все ножками хвастаются, все порхают туда-сюда. А она бродит, как привидение из девятнадцатого века.

Зазвучала песня. Ника ее не раз слышала, когда девочки репетировали. И выучила все слова. И сейчас внутри себя повторяла их вместе с одноклассницами:

Кораблик «детства»
Уплывает в детство.
Белые большие
Трубы скошены назад.
Дайте наглядеться,
На прощанье наглядеться,
Дайте мне послушаться,
Как они гудят...

От песни защемило в груди. Снова захотелось плакать. Застеклило глаза, в них погорело, хорошо, что беленький носовой платок всегда с собой у нее. Закончились школьные годы. Жалко их. Ах, как жалко! Вот и на сцене загрустили девчонки. А Эля Устинова вдруг разревелась. Вскочила со стула, сбежала со сцены, выскочила в коридор... Все подумали, что так и нужно, что это по сценарию. Но Ника знала – нет, это спонтанно. И на уроках с тихой Элькой случалось: вдруг заплачет и выскочит из класса... Ника спрашивала ее на перемене: «Что случилось?» «Ничего», – отвечала Элька, уже улыбаясь. Затихла песня, ушли со сцены – не торопясь, спускаясь по ступенькам по одной, – девчонки. Ушли, растворились в зале, как будто в будущем.

На сцене осталась Геля Титова. Обняла мишку, которого Наташа передала ей, и прочитала стихи. Свои стихи. Геля их с десяти лет сочиняла.

Пятнадцать лет, шестнадцать лет,
Какие годы роковые.
И не спасут от разных бед
Родных глаза сторожевые.

Пятнадцать лет, шестнадцать лет,
И смех и боль, и грусть и радость...
Святая первая любовь
На эти годы доставалась.

В начале жизни жизнь сама
Бросала нас на дно измены.
Но как былинка ты вставал
И ждал от жизни перемены.

И шум дождя, и луч звезды
Будил в нас смутную тревогу.
Нам говорят, жизнь впереди.
А мы уже давно в дороге...

И снова они в родном классе. Объявили перерыв на пятнадцать минут перед дискотеккой и банкетом.

– Ходим-бродим, – ворчал Кед, – в самом деле экскурсия. Когда главное-то начнется?

– Ты имеешь в виду дискач? – спросил Папуас.

– Я имею в виду шампанское, если нельзя покрепче! Ох, как же мне это стойло надоело! – с этими словами Кед ввалился в класс.

Вот это уже точно последний сбор. Больше в таком составе они никогда не соберутся. Никогда не говори «никогда»? Но ведь верно же! Одноклассники будут приезжать на встречи выпускников через год, через пять, через десять лет, но ведь не все. В разные годы – разные взрослые солидные люди. Кто-то толстый, кто-то тоненький... Кто-то бедный, кто-то богатый. Кого-то в Америку занесет, а кто-то на всю жизнь останется в родном городке. А всем составом уже *никогда*. Впрочем, и сейчас 11-й «В» уже не полный – Вадим и Вильгельм отчалили от школьного берега.

Расселись как-то странно. Классная Лилия села на стул в третьей колонке ногами в проход. Перед ней на столе – букет белых хризантем, который подарили ей признательные за дочку родители Наташи Кругловой. Наташа не отличница, она просто хорошая. Спокойный характер, на лице вечная доброжелательность. Ника удивлялась: как ей удастся никогда не злиться? Родители думали, что это школа воспитала ее такой доброй, и благодарили классную. А классная Лилия родителей благодарила за хорошую ученицу.

Это так здорово, что последние три года Ника сидела с Наташей!

И классной своей Ника тоже была довольна.

Лилия Игнатьевна преподавала историю. Но она была близка ребятам больше даже не как преподаватель, а как товарищ. На всех вечерах и дискотеках – вместе с ними. Даже когда все учителя пили чаек, отделившись от учеников, классная Лилия не отделялась. Даже когда старшеклассникам хотелось, чтобы она ушла, она этого не замечала и оставалась с классом.

Не для того, чтобы «присматривать», нет, ей хотелось с ними слиться, ей хотелось к ним в друзья. Она этого почти добилась!

Все вокруг учительницы расселись, некоторые – на столах, рядышком. Не урок же... Урокам конец! Девчонки тушь на ресницах подновляли, кто-то шариками баловался, как Елисейка. Карапуз перебегал от шарика к шарiku и тискал те, до которых мог дотянуться. И пыхтел и надувал щеки, словно сам хотел превратиться в воздушный шар.

– Уже все знают, куда будут поступать? Отправили заявления в институты? – спросила классная, нюхая цветок. – Ох, люблю, как хризантемы пахнут!

Краткие ответы вразнобой: «Да», «Нет», «Да», «Нет».

– Поросята мои, только не огорчайтесь, если у кого-то не получится с институтом, – сказала классная. – Высшее образование – не главное в жизни. Иногда хороший рабочий важнее инженера. Смотрели же фильм «Москва слезам не верит». Помните Гошу? Без него ни один инженер не мог обойтись.

Аким помнил! Он смотрел.

– А по-вашему – что главное в жизни? – спросила Лада.

– Главное? – Лилия Игнатьевна помолчала, потербила лепестки цветка, усиливая запах. – Может быть, знать, что вы от жизни хотите? – и сказала задорно: – Вот, Тимофей нам скажет про это!

– Что? – отозвался Тимошка. Чьей-то помадой он рисовал рожицу на окне.

– Ты что делаешь? – к нему подскочила Катя и отняла помаду. – Ты же мне помаду испортил. Все, гони десять баксов, дуралей!

– Пардон, Стрекалова. Сказать, что я хочу от жизни? Скажу! – Тимошка засмеялся. – Хочу, чтобы жизнь взяла меня за волосы и мордой – в счастье!

Народ одобрил, смеясь.

– Все этого хотят! – пробасил Митя Алешин.

– И я этого хочу для вас, поросята мои. – Классная Лилия решительно двинула букет в сторону от себя. – И вам счастья, и себе счастья, и маленькому братику Вероники – счастья с большой буквы. И еще – пусть вам все-все удастся!

За дверью раздалась песня:

Когда уйдем со школьного двора
Под звуки нестареющего вальса,
Учитель нас проводит до угла...⁹

И смолкла.

Дверь распахнулась. Вихрастый мальчишка-первоклассник нарисовался на пороге 11-го «В» и громко продекламировал:

Поступила телеграмма
От гиппопотама:
Он выпускников позвал
На прощальный школьный бал!

Малыш засмутился и убежал.

– Ну наконец-то, дискач! – воскликнул Кед, и все потянулись к выходу.

– А тебе-то зачем дискотека? – удивился Аким. – Ты же не танцуешь? Девушек не любишь, у тебя же сайт в компе: «Любви нет. Точка. Ру».

⁹ Песня «Когда уйдем из школьного двора».

- На сайте? Каком сайте? Слышь, Зимка, у меня нет сайта.
- Нет? Значит, сделаешь.
- Да не нужен мне сайт!
- А дискач нужен?

Кетов, опередив всех, поскакал по лестнице в зал, где по краям стояли накрытые столы, а в середине был танцпол.

По дороге в зал Аким взял Нику за свободную руку. Другая уже была захвачена Елисейкой. Ника покраснела и тихонечко освободила свою руку из плена Кимкиной. Что это он вдруг – ни с того ни с сего? Аким отстал метра на два, не выпуская Нику из поля зрения. Широко шагнул и снова взял ее ладонь. И крепко сжал.

- Слушай, – сказал он, засмеявшись, – какой удалец твой братец. Лично я восхищался!

Ника покраснела. Хорошо ему говорить. А ей за Елисейку, нарушителя спокойствия, было стыдно.

– Клево смотрите, – взглянул на троицу Тимофей Ганов и прищелкнул языком, – образцовая молодая семья.

Ника с Акимом переглянулись. Обоим стало приятно сравнение. Но рука Ники снова пошевелилась в Кимкиной ладони, желая сбежать. Не дали – Аким крепко держал. И так вдруг Никиной руке хорошо стало в руке парня, тепло и надежно. Девичья рука успокоилась, замерла.

– Правда? Ты так думаешь? Мы – семья? – задорно спросил Аким Тимошку и в упор посмотрел на Нику. – В таком случае ты – первый, кого я приглашаю на нашу свадьбу.

«Вот ненормальный», – ахнула про себя Ника и нахмурилась. Рука опять попыталась сбежать. А зачем он так? Это же неправда! Он смеется, наверно, над ней!

- Народ! У нас свадьба скоро! – заорал Тимофей, повернувшись к классу.

Ника покраснела, и ее рука вырвалась-таки на свободу.

Да что такое! Зимин просто ловец руки сегодня. Снова поймал.

– Я не совсем шучу, – прошептал, наклонившись к Никиному уху. – Я шучу, но я хочу, чтобы так было! – Он перегнулся через Нику и пощекотал Елисейку: – Утю-тю, тигреноч!

Елисейке понравилось, он засмеялся. А потом громко зевнул. Малыш хотел спать. Хорошо, что еще не капризничал. Но скоро начнет. Если папа не объявится в ближайшие минуты, Нике придется уходить с братом домой.

Ника снова отняла руку. Кимка снова взял. И победил.

Все девчонки смотрели на них. Наташка, Геля, Вика – доброжелательно. Некоторые отводили взгляды, и Ника чувствовала: эти завидовали.

Сейчас Зимин и правда думал, что их свадьба не за горами. Что, женатики не учатся в институтах разве? А Ника плохая жена разве? Вон как заботится о младшем брате!

На лестнице семья Дымовых воссоединилась.

– А я вас ищу! – радостно объявил отец Ники детям. – Ах ты мой киндереныш золотой! – Он опустился перед Елисейкой на корточки и обнял его, оторвав от Ники. – Пошли домой, барабашка, не будем мешать сестрице веселиться.

– Бала... башка, – повторил Елисейка смешное слово, снова зевнул, глазки потер кулачками.

- Ты где был? – спросила Ника строгим учительским тоном.

– Встретил одноклассника, представляешь, дочь? Он сына провожает из школы. Сели, поговорили, молодость вспомнили.

- А про своего сына ты, значит, забыл?

– Я же видел, что он с нянькой, – кивнул отец на Кимку, – и успокоился.

– Чего это он нянька? – Ника стрельнула в Зимина нарочито сердитым взглядом, и он дернул плечами, как бы говоря, что он ни при чем. – Вот расскажу про тебя маме!

– Вот этого не надо. – Отец шутливо-угрожающе посмотрел на дочь и погрозил ей пальцем.

Так Ника и оставила папу с Елисейкой на руках.

– Балабашка, балабашка, – повторил брат понравившееся ему словечко и подергал папу за растрепанные волосы. Потер кулачками глаза и захныкал.

Ника засмеялась, и Кимка подумал о том, как ей идет смех и улыбка. А Ника опять отняла руку. Хотя уже не хотелось освобождаться. Но Ника поймала злой взгляд Кати, зафиксированный на замке их рук. Ника видела, как уезжал Виля Вельс: помахал классу рукой. Катю не то что не обнял, даже не подошел к ней отдельно от всех, не посмотрел на нее. А все же знали, что они были парой. Катя ничего от подруг не скрывала. А он так холодно... хоть бы взглядом согрел... Нике было искренне жаль Стрекалову.

Когда разлили в бокалы шампанское и подняли их дружно, сами шумно поднявшись, и когда зазвенели бокалы друг о дружку, и когда Елизавета провозгласила: «С окончанием школы, друзья!» – вдруг чудно запела флейта. Ее дивный голос говорил о мечте, о будущей длинной-предлинной жизни, о волшебных рассветах над морем, над городом, над горами – над планетой Земля, по которой теперь шагать ребятам без учительского присмотра, да и без родительского тоже, потому что почти все собирались разъезжаться. Идти молодым в одиночку – сильным и слабым, высоким и низким, худым и толстым, и неизвестно, кто достигнет вершин, а кто остановится у подножья.

И началась наконец дискотека.

Ее открыли «бэшки» – Василий Дьяченко и Таня Кулимова. Заиграл вальс, и пара вышла на середину зала. Вася – в черном костюме и Таня – в красном платье со шлейфом и со стразами. Ребята были таким красивыми, что Ника подумала: вот быть бы такой, как Таня: легкой воздушной, прекрасной – и ничего ей больше не надо, даже счастья. И тут же вспомнила, что в обычной жизни Таня Кулимова – так себе, далеко не красавица, у нее зубы выступают вперед и веснушек на лице «вельми обильно». Но сейчас, во время танца, это была самая прекрасная девушка в мире, в которую влюбиться – раз плюнуть.

Василий и Таня занимались бальными танцами с четырех, кажется, лет, поэтому их вальс был совершенен. Ими все любовались... Со второго круга к ним подключились Алена Самойлова с Димой Коротковым. Вот уже в зале две прекрасные пары... А потом на танцпол вышли все, кто хотел. Вот и Аким Зимин плывет в танце с Кирой Ракитиной.

Ника смотрела и не верила глазам. Что? Кимка – с Ракитиной?

Пусть! Он может приглашать кого угодно! Но почему же тогда он оказывает знаки внимания ей, Нике? Смотрит на нее, как преданная собака, берет за руку, посылает эсэмэски? Приглашает покататься на своем драндулете? Она, глупая, возомнила, что ему нравится. Ника закусила губу и чуть не расплакалась. Да разве она может кому-то нравиться? Она же Ворона! Много хочет!

Девушка отошла к подоконнику и отвернулась к окну. Она так надеялась, что на первый танец Аким пригласит ее. Конечно, она бы отказалась, она не умеет вальс танцевать, но ведь он этого не знает. Эх! За окном, на ветке березы, сидел воробей, бесстрастно и строго смотрел на нее блестящей точкой-глазком. Везет ей на птичек. Они везде, куда она ни посмотрит. Быть ей орнитологом. Воробышка поводил крошечной головкой, клюнул что-то с березового листа и улетел.

– Вероника! Прошу вас! – раздалось за спиной девушки.

Она даже не повернулась на знакомый голос.

– Ника, эй! – Зимин взял ее за плечи и повернул к себе. – Я приглашаю вас на медляк, девушка. – Он церемонно поклонился и шаркнул ногой.

Ника наклонила голову, чтобы Аким не увидел, что у нее глаза на мокром месте. И вдруг разрыдалась, уткнувшись ему в плечо! И тут же кинулась в коридор поперек танцующих пар. Наткнулась на одну пару, другую... Нет, невозможно переплыть бурное танцевальное течение. Ника бросилась через зал кружным путем.

– Вероника!

Аким настиг ее в коридоре.

– Девушка, ну что с вами? – шутливо спросил он, поворачивая ее за плечи к себе.

– Ничего!

– А чего ревем-то, а? Я же не виноват, что некоторые вальс танцевать не умеют!

Ника подняла на него полные слез глаза.

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда! Я видел, как ты приходила записываться к Самойловой, а потом удрала. Только не понял – от кого. Крокодилов там не было!

– Да-а, правда-а, не умею-у... – Ника улыбнулась сквозь слезы. Две слезинки скатились по лицу. Чистые и, наверно, соленые. Аким так захотелось попробовать эти слезинки на вкус. Но он не посмел коснуться губами щек. Тогда Дымова, наверно, вообще из школы сбежит! И может, даже из города!

– Ты что, шпионил?

– Кто за кем шпионил – еще вопрос, – засмеялся Аким. – Пошли танцевать, кулема, а то музыка кончится!

– Эта кончится – другая начнется.

Вернулись в зал.

Ника положила руку на Кимкино плечо, и они и поплыли в медленном танце. Глаза у Ники красные, заплаканные, но счастливые. Нике хотелось положить голову на плечо парня, она видела, что некоторые девчонки так делают, но смелости не хватало. Наташка со Славиком танцевали обнявшись. Катя Стрекалова с Тимошкой топтались на одном месте. Тимошка – ой, он ей едва до подмышек. Что-то смешное рассказывает, Катя слушает его, наклонив голову, – иначе не услышать. Папуас пригласил Ладу. Витек стоит у стола, спиной к нему, лицом к танцующим, жует бутерброд, смотрит на всех *вообще*.

Кончился медленный танец, сменился заводной англоязычной песенкой. Тут никакие пары не нужны. Девчонки, которых не приглашают, любят именно такие танцы. В зале тесно стало от танцующих: лес вскинутых рук, плавные изгибы рук, плеч, ног. Две девчонки из 11-го «А» забыли, что они готы, что им не к лицу веселиться, скачут еще порезвее других. «Вот и правильно, в семнадцать лет любить одиночество и могилы смешно. Прыгайте. Будьте счастливы, будьте...» – молилась в душе за них всех классная Лилия, в одиночестве сидящая за столом.

Впрочем, здесь было место не только для танцев. В зале смешалось все, что бывает на выпускных вечерах. Танцевали, жевали салаты, болтали, выясняли отношения... Родители почти все разошлись, вдоволь налюбовавшись своими взрослыми чадами. За столами сидели самые упертые, мамы убирали пустые тарелки, облагораживая столешницы, наливали чай задержавшимся мужчинам. Ни одного выпускника за столами – все на танцполе.

– Цветы, просто цветы, – повторяла чья-то оставшаяся мама, любуясь скачущими детьми. – Один цветок лучше другого. – Женщина отпила глоток чая и начала новый виток: – Цветы, цветы... они сегодня цветы...

– Так и есть, дети – цветы жизни, это классика, – не выдержав женской цикличности, ответил чей-то папаша, скептически ухмыльнувшись.

– Нет, сегодня они цветы особенные, – настаивала мамаша. – Только на девушек поглядите – одна лучше другой!

* * *

– Ты почему от меня всегда убегала? Почему глаза прятала? – допрашивал Аким, обнимая Веронику в танце.

Ника пожимала плечами:

– Спроси что-нибудь полегче!

Она подтянулась, приосанилась и уже не думала, что она неуклюжая.

– Больше не будешь убегать?

– Спроси что-нибудь полегче!

Да и танцует она нормально!

– Почему вы, девчонки, такие вредные?

– Что-нибудь полегче спроси!

И платье у нее очень красивое!

– А почему ты в зале сидела, когда девчонки пели?

– Спроси что-нибудь... – Ника не договорила, глаза встретились с глазами, и засмеялись оба.

И вдруг Ника сказала серьезно:

– Аким, я не знаю. Я не знаю, отчего я такая. Я неуклюжая, я смешная, я ничего не умею. Часто говорю не то, что думаю. А! Есть такая несурзная птица – ворона. Вот и я такая же точно.

Ника нахмурилась, прикусила губу и уткнулась парню в плечо.

– Неуклюжая? Смешная? – недоуменно спросил Аким. – Кто тебе такое сказал?

Музыка смолкла внезапно. На сцену к микрофону поднялся учитель физики Алексей Владимирович.

– Спою вам песню моей молодости, друзья. Не знаю, кто ее написал. Судя по тексту – Булат Окуджава, но не уверен.

Девочка плачет:

Шарик улетел.

Ее утешают,

А шарик летит.

Девушка плачет:

Жениха все нет.

Ее утешают,

А шарик летит.

Женщина плачет:

Муж ушел к другой.

Ее утешают,

А шарик летит.

Плачет старушка:

Мало пожила.

А шарик вернулся.

А он голубой...

– Вот почему вы нам голубые шарики подарили! – воскликнула Кира Ракитина, стоявшая неподалеку от сцены.

– Вовсе нет, – Елизавета Трофимовна поспешила взять микрофон, – это случайная песня. – И снова передала микрофон Алексею Владимировичу.

Физик засмеялся.

– Песня как раз не случайная. Наоборот! – объяснил он. – Я на шарики посмотрел и вспомнил. А иначе ни за что бы не вспомнил.

– Интересная песенка. Про всю жизнь женщины, от детства – до смерти, – заметила Катя. Кучка ребят из 11-го «В» слушала песню, стоя у окна. Отдыхали. – А если у Дымовой шара не оказалось, то ей что будет? – Она посверлила Нику взглядом и тут же перевела его на Зиминого, видимо, от него ожидая ответа.

– Ничего не будет, – усмехнулся Аким, удивляясь способности девчонок говорить гадости ласковым тоном. – Не понимаю, что ты имеешь в виду, Катерина?

– Я думаю, в этом есть смысл. У нее вообще жизни не будет! Не повезет бедняжке!

– Что за чушь? – Наташа удивленно скривила губы и дернула плечом.

– Катя, ты что, завидуешь?! – воскликнул Аким. Он видел, что расстроенное из-за шарика настроение Ники выправилось, а Стрекалова снова масла в огонь подливает. – Катя-Кать, прикинь, я подарю Дымовой сотню шаров! И все – голубые! Завтра же!

– Сотня – да не та, драгоценный ты мой, – язвительно заметила Стрекалова. – Случайностей в жизни, Зимин, как ты понимаешь, не бывает!

Зал снова всплеснулся задорной музыкой.

– Не слушай ты ее, она из-за Вельса переживает, – шепнул Аким, увлекая Нику в круг танцующих.

Ника с ним согласилась, но ей опять стало грустно.

Еще несколько раз прерывались танцы. Подбегал к микрофону родитель. Захотелось ему для детей спеть. Спел, страшно фальшивя, песню своей молодости «Яблоки на снегу». Выпускники великодушно выслушали и похлопали. Даже не знали, чей это предок, и выяснять не стали – зачем?

Чья-то мамаша заунывным голосом читала свои стихи.

Тут и Ника о маме вспомнила. О том, что мама должна была эсэмэску кинуть. Из-за дорогого роуминга мать и дочь договорились не звонить друг другу, а обмениваться сообщениями. Ника решила проверить телефон, раскрыла сумочку, где лежала помада, беленький платочек, зеркальце (как же без зеркальца помадой воспользоваться?) и где должен был лежать телефон.

Но мобильного в сумочке не оказалось.

Где же Ника его забыла? Ах, да: в спортивном зале, еще на экскурсии! Позвонил папа, она ответила ему и положила сотик на гимнастическую скамью. А потом ее что-то отвлекло, и она о нем забыла. Их класс последним был в зале на «экскурсии» этой. Вот там он и полеживает-отдыхает. Или, наоборот, надрыдается от звонков.

Как же ей не хочется одной бежать в спортзал. Через всю школу! Наташу не позвешь: ее приглашают и приглашают, ее лучше не трогать, Славик и так злится. А больше из девчонок Нике звать в попутчики некого. Из парней? У нее же вроде теперь друг. Аким Зимин. Друг? Ее друг? Стоило Нике только подумать об этом, по сердцу как будто погладили. Как приятно знать, что у тебя есть парень! Ника с улыбкой вспомнила Кимкину шутку о свадьбе. Может, шутка была несуровой, но очень сладкой, очень приятной.

Аким танцевал с Наташей. Это был «белый» танец, Круглова сама его пригласила. Ника подождала, пока он закончится, и дернула парня за рукав.

– Кимка, я телефон где-то посеяла. Наверное, в спортзале.

– Так что за проблема – слетаем! – кивнул Зимин.

Чудо! Его даже просить не надо! Сам предлагает! Нет, *свой парень* – это здорово!

– Зал, наверное, закрыли, – загробным голосом сказала она. Нарочно грустно сказала, ведь теперь есть кому ее ободрять!

– Проверим! – воскликнул Аким. – Наш класс там последним был, не дрейфь, телефон на месте! Я обещаю!

Господи! Неужели есть на свете такое счастье – свой парень?

Шли по коридорам, пустым и безмолвным, держась за руки. Иногда Кимка притягивал Нику к себе, и они сталкивались плечами. И все время, все время Аким смотрел на Веронику как-то особенно, смотрел как взрослый, сверху вниз, свысока. Словно знал что-то такое, чего Нике знать было рано.

– Что? Ну что? – спрашивала Ника.

– Ничего, – отвечал Кимка, мотая башкой, и странно улыбался застывшей улыбкой.

Дальше шагали. Нике хотелось почему-то на цыпочках идти, тихо и медленно. Да и куда было торопиться? Кимка вновь притянул ее. Ткнулся куда-то в щеку и попытался обнять.

– Не надо. – Ника высвободилась из объятий и дернула парня за руку, чтобы идти дальше. – Зачем ты?

– Дымова, – вдруг строго, как учитель, спросил Кимка глухим голосом, – ты чего такая недотрога?

– Я?

Вот и ответ: Ника покраснела и выдернула руку. Дальше поодиночке отправились. Повернули направо, к спортзалу.

В это время в школу с улицы зашел Кед. И сразу увидел парочку, вступившую в темный, без окон, коридор, ведущий к спортзалу. Кед подождал, пока она дальше уйдет, и, крадучись, последовал за ней. Влюбленные, блин. Он-то знает: нет любви, а есть одни лишь инстинкты. Понятно, зачем Дымова и Зимин хотят уединиться. Инстинкты бушуют...

Вот и зал. Аким дернул дверь. Заперто. Но рука неожиданно наткнулась на ключ в замочной скважине.

– О, Ника, здесь ключ!

Открыли двери, вошли. В зале было светло от струящейся в окна белой ночи.

Кетов тоже подошел к залу. Сначала он хотел ребят напугать, не дать инстинктам проявиться. Влететь в зал привидением:

– У-у-у! – и захохотать при виде изумленных одноклассников: – Что, испугались?

Но потом передумал. Повернул ключ, торчащий в дверях.

Еще раз довольнo хмыкнул, потер руки и удалился, стараясь шагать потихоньку, чтобы звуков шагов не слышали.

Телефон лежал в полусонном состоянии на гимнастической скамье, как Ника его и оставила.

– На месте, – кивнул на сотик Аким. – Я же говорил.

Ника проверила мобильник. Звонков нет, эсэмэски от бабушки, тети Алины и мамы.

Все поздравляли Нику с окончанием школы. Можно было бы и не отвечать, но Ника всем отбила ответ: *Спасибо!*

А потом растерянно посмотрела на Акима:

– А положить мне сотик в этом дурацком платье некуда. Сумочка в классе.

– Дай сюда. – Аким небрежно взял телефон из рук Ники, бросил в карман пиджака. Похлопал для пущей важности. – Не убежишь! – погрозил телефону, макушка которого торчала из неглубокого нагрудного кармана. И вновь посмотрел на Нику тем же самым взрослым взглядом. – А платье, сударыня, вовсе даже не дурацкое. Очень красивое у тебя платье.

Он окинул девушку взглядом снизу вверх. Взглядом к ней ко всей прикоснулся.

– Ты чего? – покраснев, спросила она.

- А что?
- Так смотришь...
- Ты красивая, вот и смотрю. Я люблюсь!
- Да! – Ника фыркнула. – Как же!
- Ты сомневаешься в том, что ты красивая? – удивленно произнес Аким. – Правда? Ты в зеркало-то смотрелась?
- Сегодня смотрелась. Вчера, может быть, и нет. Я зеркала не люблю.
- Вот те на! Чем же они тебе не угодили?
- Они меня не любят.
- Это как?
- Так. Глядят на меня и смеются. И корчат рожи. И оттуда, из зеркал, смотрит на меня так себе девица – никакая.
- Аким присвистнул:
- Странно... Что за зеркала тебе попадаются? Неправильные зеркала.
- Он отошел на два шага в сторону, приосанился, хлопнул по груди, сказал:
- Представь, я – зеркало в полный рост.
- Ника засмеялась.
- Ну не смейся. Представь. Представила?
- Такое зеркало... очень плотное.
- У тебя воображение есть или нет? Вы, девчонки, мечтать умеете или нет?
- Умеем, умеем... – Ника хихикнула, прикрыв рот ладошкой, и сделала серьезный вид. – Представила.
- Смотришь в меня.
- Ну... смотрюсь.
- Ника выпрямилась и в упор уставилась на Акима застывшим взглядом.
- Ты так всегда в зеркало смотришься? – спросил Аким.
- А что? Да, так. Примерно так. А как в него надо смотреться?
- Понятно. Зеркало – не дурак. Оно и показывает, что ты официальная чинуша, которая вообще не знает, что такое улыбка. Никому не улыбается, даже себе. Даже себя не любит.
- Ника улыбнулась. И теперь уже с улыбкой уставилась на парня:
- Так?
- Вот. Уже лучше.
- Аким заулыбался в ответ.
- Что теперь говорит тебе зеркало? – спросил он и снова широко, неестественно широко, улыбнулся.
- В зеркало забрался клоун. Он ржет. Надо мной.
- Ржут лошади, сеньорита. А я, зеркало, объявляю, что вы восхитительны, сударыня! Кстати, в зеркале отразилось твое имя. Прочти.
- Акин, – неуверенно «прочитала» Ника.
- Представляешь? Потрясно, да?
- Ничего себе! Почти как твое!
- Буду звать тебя Акином!
- Посмеялись.
- Аким подошел к Нике-Акину вплотную, взял ее за пальцы, поднял руку к своим губам и поцеловал. Один раз, другой, третий. Может, Ника сериал смотрит? Или она спит и видит сон? Все ужасно по-взрослому. Его голова коснулась ее груди. Он сжал ее пальцы. Нике стало страшно. Приятно. Страшно. Приятно. Чего больше – нельзя понять.
- Ника...
- Ты что? Пусти! Пусти, Кимка! – Ника изо всех сил тянула руку из Кимкиной.

– Пустил. Все!

Аким раскинул руки, и Ника порхнула в сторону. Аким по-прежнему улыбался, как клоун в воображаемом зеркале.

– Ненормальный, да?

– Ну почему ты так? – спросил он издали. – Ты ведь знаешь, что нравишься мне. Давным-давно. Еще с марта. Знаешь, да?

– Нет! – отрывисто ответила Ника и помчалась к дверям. Ткнулась в них и растерянно обернулась на Зимины.

– Кимка, нас закрыли!

– Что?

Аким тоже поднажал на двери плечом. Заперто.

– Странно.

– И что делать? – Ника страдальчески смотрела на парня.

– А чего ты паникуешь? Мы в двадцать первом веке! – Аким вытащил из кармана телефон и передал Нике. – Трезвонь.

Они направились в середину зала.

– Кому звонить? Номера физрука у меня нету, уборщицы нету, даже директрисы в моем телефоне нет, представляешь?

– Им как раз не надо звонить, дэвушк. Подумают сразу всякую фигню. Мы же с тобой одни.

– Ну да, верно. Может, Наташку набрать?

Наташа не отвечала.

– Конечно! Она что, с телефоном на шее танцует?

Ни Лада, ни Саша, ни Геля – никто не брал трубку. Все о существовании сотиков просто-напросто забыли сегодня.

– А телефон Стрекаловой у тебя есть?

– Ей я не буду звонить.

– Почему? Порадуй ее сердечно. Расскажи, что тебя закрыли наедине с мачо, могучим и прекрасным, он распевает тебе серенады, смотрит влюбленными глазами и носит на руках.

– Примерно так она поступала со мной. – Ника вспомнила о записке Стрекаловой, которая ее обидела весной. Это было всего-навсего весной, но Нике казалось, что с того времени прошел целый век.

– Правда? – удивился Аким. – Она рассказывала о мачо?

– Да.

– У мачо было имя?

– Конечно.

– Я его знаю?

– Да.

– Он тебе нравился? Мачо?

– Да. Нет... Нет, конечно же нет! (Как красивая открытка, как заокеанский артист!)

– Смотрите, сударыня. Я ревнивый и в ревности страшен! – Кимка сделал устрашающее лицо и зарычал, выставив вперед руки с загнутыми пальцами: – Р-р-р-р!.. Так и плати ей тем же.

– Ага! Лопнет от зависти, и мы будем виноваты.

– Это точно, – засмеялся Аким. – Трезвонь парням.

– Из парней у меня только ты записан.

– Оп! Мне звонить не надо, телефон дома, разбудит ма-па. Ладно, Дымка! Мы же не в смертельной опасности. Посидим... давай сядем. Мне с тобой сидеть в кайф. Тепло. Светло. Мухи не кусают.

– Тебе тепло! – Ника поежилась в своем открытом беленьком платице.
Аким снял пиджак и накинул на плечи девушке:
– Прости за догадливость. Так лучше?
– Да. Спасибо. Во попали!
– Наверно, все уже разошлись, – почему-то мечтательно сказал Аким.
– Не может быть! Танцы были в самом разгаре!.. Тише! – Ника прислушалась, подняв голову к потолку. – А если правда все разойдется, что нам делать?
– Ночевать тут. Я на канате вниз головой, а тебе всю скамью уступлю. – Кимка засмеялся, кивнув на гимнастическую скамью.
– Ты, Кима, шутишь, а мне совсем не до смеха. Я папе позвоню.
– Зачем? Он не сможет нас выручить. Нет, позвонить ему надо, предупреди, что ты в безопасности, что ты с надежным товарищем и другом.
– Если я так скажу, он просто сойдет с ума. Он же тебя не знает.
– Тогда не звони. Все выпускники до утра гуляют. Родители в курсе.
– Кимка, я тоже хочу гулять!
Аким уже лез по канату. Добрался до потолка, посвистел Нике.
– Эге-гей! Высоко сижу, далеко гляжу!
– Ну и что же ты видишь?
– Прекрасное далеко!.. Нашу свадьбу! Я играю на балалайке, а ты пляшешь «Барыню»!
Ника вздохнула:
– Аким, я никогда не думала, что в один вечер ты можешь наговорить столько глупостей. И все одна за другой, одна за другой.

Они сидели рядышком на гимнастической скамье. Ника на стенку оперлась, Аким вперед наклонился и смотрел на ее лицо. Пальчики ее перебирал своими длинными пальцами.
– А я помню, как ты высоту брала. Ну, еще до восьмого. Помнишь? Тебе физрук планку переставляет и переставляет. А ты прыгаешь и прыгаешь. Берешь высоту и берешь...
– А вы орали: «Давай, Дымова!»
– А потом орали: «Ура-а!» А когда сбила планку – скулили... Сколько ты тогда взяла?
– Не помню. Но физрук поставил пятерку.
– Пятерку. Еще бы! Он сказал, что тебе надо в легкую атлетику идти. Ты не послушалась?
– Нет конечно. Времени и так не хватало.
– Ник...
Аким обнял Нику за плечи. Сначала просто положил руку ей на плечо. Рука лежала какое-то время спокойно. Пощекотала шею. Подергала завитки волос. Ника сидела замерев. А потом Кимка обнял девушку, прижал к себе. Ника повернула к нему голову, и они поцеловались.

Совершенно вдруг, совершенно неожиданно – для Ники.
Наконец-то! Долгожданно! – для Акима.

Сидели, обнявшись, укрывшись пиджаком. Ника уже не боялась Кима. Только стеснялась немного, когда он смотрел на нее сбоку. Она не знала, как выглядит в профиль, и ей казалось – невыгодно. Поэтому она старалась повернуться к нему всем лицом.
– Ник, знаешь, мне кажется, нам правда придется тут ночевать. – Аким нежно погладил ее по щеке, подержал на щеке ладонь лодочкой. Убрал локон за ухо, поправил его, чтобы не выбивался.
– Каким образом, Кимка?

– А вон там, на матах.

– Нет, я не буду, – забилась Ника у него под рукой, – я буду сидеть. Ни за что! На каких-то матах!

Вдруг оба насторожились. Услышали в тишине, как в дверях зашевелился ключ.

Ника, вынырнув из-под пиджака, бросилась к входу.

В проеме раскрытой двери показалась ухмыляющаяся рожа Кеда.

– Привет! – развязно произнес он. – Что, наворковались, голубочки?

Он показался в дверях весь. В его руке вихлялся из стороны в сторону синий воздушный шарик.

– Кед без шнурков! Это ты нас запер? – весело спросил Аким. – Ты нарываешься, знаешь?

– Я-а-а, – протянул Кетов и широко улыбнулся. – Спасибо мне, да? – Он заметил, что Аким не расстроен. – Успели?

– Что успели, ты о чем?

Витек поводил перед лицом указательным пальцем. На него была надета петелька нитки от шарика, и шарик тоже вихлялся из стороны в сторону с гулким резиновым звуком. Глазки у Кетова масляные, маленькие.

– Зна-аем, зна-аем что... что надо... Дымова, ты такая седни аппетитная, можно я тебя обниму?

Он полез к Нике обниматься.

Ника отшвырнула его руки, залепила звонкую пощечину.

– Ой! Сразу драться? – Витек укоризненно посмотрел на Нику и перевел блуждающий взгляд на Акима. – Видишь? Вот тебе и вся лю... любовь, Кима. Тебя она тоже лупить будет. Я че пришел-то... я че вас открыл-то... там мечты запускают.

– Куда запускают, дурень? – не понял Аким. – Чего запускают?

Ника тоже посмотрела заинтересованно, хотя и искоса – после пощечины как-то неудобно смотреть с хорошим выражением на лице. Приходится продолжать разыгрывать оскорбленное самолюбие.

– Ку... куда! В небо. Че... чего? Мечты! Шары, то есть. Бегите, еще успеете. Вот я шарик Зиме принес. А у Дымовой не... нашел. Кто-то ее мечту спер. А мой... ик, – икнул Кетов, – лопнул. Ба-бах!

«Зря я его ударила, – сокрушалась Ника. – Он мог бы ведь и вообще не прийти, и мы бы вообще не узнали, кто нас закрыл. А я сразу – по роже. Ворона!»

Вообще-то Ника всегда сочувствовала этому нескладному по душе парню. Они всей семьей жалели его. Когда родители Витька скандалили, а он был маленький и плакал на лестничной площадке, Дымовы уводили его к себе. Было даже такое, что маленький Кед ночевал у Ники.

– Кед, прости за... – Ника подумала, как дипломатичней назвать свой наезд. Говорить «пощечина» не хотелось. – За то, что ударила.

– Да ладно, – Кед потер обиженную щеку. – Затрем.

Кимка выхватил шарик из рук Кетова, схватил Дымову за руку, и оба понеслись на улицу.

Толпа выпускников стояла в сквере у школы. Любопытное зрелище: все под одинаковыми шарами, словно готовы запустить в небо зонды для грандиозного школьного эксперимента по физике.

Ника с Акимом успели вовремя.

– Запускаем все одновременно – по ракетному залпу, по ракетному залпу, – предупредила их классная Лилия.

И вот Олег Иванович выстрелил из ракетницы. Одинокая красная ракета оставила в небе бесконечный белесый след, словно белую веревочку от красного шарика.

– Ура-а! – В сквере раздался мощный рев в девяносто молодых глоток.

Шарики, словно испугавшись этого вопля, порхнули в воздух.

Только Аким не выпустил свой. Он протянул его Нике.

– Держи, Акин, крепко и не отпускай. Слышишь? Я не хочу, чтобы моя мечта улетела. И стой на месте и жди меня! Я через десять... нет, раньше, через пять минут буду. Слышишь? Акинка?

Ника улыбнулась: «Акин», «Акинка». Непривычно, необычно, смешно. Но потрясающе интересно!

– А ты куда?

– Сейчас увидишь! Только не уходи, ладно?

Кимка побежал в сторону многоэтажек, на ходу обернулся и снова крикнул:

– Не уходи, Аки-ин!

Шары разлетались. Несмотря на то, что все были одного размера, летели они по-разному. Опережали один другого, сталкивались, летели в противоположные стороны, попадая в разные воздушные потоки, подлетали к домам, заглядывая в окна, где спали горожане (а кто-то проснулся от крика «Ура!»). Один шарик лопнул, наткнувшись на голый тополиный сук.

– Лопнула чья-то мечта! – с сожалением сказал кто-то рядом с Никой.

– Интересно, чей шарик?

– Хорошо, что мы этого никогда не узнаем!

– А ты что же свой шар не выпускаешь? – спросила Нику классная Лилия.

– Это не мой. Это Зимина. Он сейчас вернется и сам отпустит, если захочет.

– И правда – куда спешить? – согласилась классная и вдруг сама заспешила, засуетилась, прижав к груди букет и сумочку. – Ой, ребятюшки мои милые, такси! Я вас люблю!

Классная Лилия расцеловалась с теми, кто был поблизости, и побежала к такси, остановившемуся неподалеку.

Все другие учителя уже давно были дома.

– Не забывайте школу! – крикнула учительница перед тем, как сесть в машину.

Долго махали ей вслед, не заметив пафоса последней фразы.

Выпускной народ двинул в центр города. Традиция прошлых лет – выпускники всего города встречались в парке, как и после последнего звонка. В нем всю ночь гремела музыка. Там тоже танцевали. Кто хотел, катался на теплоходе, который курсировал вдоль города туда и обратно всю сказочную июньскую ночь.

– Ты идешь? – спросила Наташа Нику. Славик Красильников уже дергал Круглову за руку, торопил.

– Я жду Зимина, но он куда-то исчез. Надеюсь, вернется!

– Ну, догоняйте! – Наташа взяла Славика под руку, и они, словно жених и невеста со стажем, отправились вслед за нарядными толпами.

Когда к ногам Ники подъехала страхолюдная машина, уже никого не было у школьного крыльца.

Знакомый старый драндулет. Кривой. Без переднего бампера, с погнутым задним.

– Покатаемся? – выйдя из машины, спросил Аким с такой лучезарной улыбкой, как будто он только что сидел за рулем «Порша». Он открыл перед Никой скособоченную дверцу.

– Ты что, издеваешься? – спросила Ника и, уткнувшись губами в шарик, засмеялась. – На этой машине только на кладбище!

– Почему на кладбище? У тебя прорезался черный юмор, Акин?

– Только там нас никто не засмеет! Кимка, я не хочу насмешек! Ну ты ее и уделал, Зимин! – Ника обошла несчастную «шестерку» со всех сторон. – А потом, ты ведь пил шампанское.

– Две капли!

– Да хоть одну!

– Так давай мы ее и добьем!

– Ну уж нет. Я в эти игры не играю.

– Признайся честно: ты не хочешь ехать, потому что я выпил, или потому, что у меня машина красавица?

– И так и эдак.

– Ладно! – примирительно сказал Аким. – Хорошо. – Он покивал головой, поворошил светлый чубчик. – Тогда подожди еще пять минут. Подождешь? Не сбежишь на кладбище? Ты вроде не готка? И не обормотка? – Он похихикал. – На вот мой пиджак, заледенела совсем.

Кимка снова набросил на девушку пиджак, чмокнул в щеку (Ника не успела увернуться), шустро развернулся на кривой машине и скрылся на дороге в проеме домов.

Понятно, он бегал в гараж. Зимины жили рядом.

Ника зашла в открытую еще школу, поправляя то и дело сползающий с плеч пиджак. Несмотря на то, что пиджак все время норовил сбежать, в нем было уютно. Он пах Акимом, его теплом.

Глаза ее взлетели на лоб, когда она увидела через окно подъезжающую к крыльцу шикарную иномарку, на которой впору возить звезд Голливуда или президентов любой страны. Эта машина не хуже «Порша»!

Удивление вынесло Нику на улицу.

Зимин вышел из машины, обошел ее спереди, раскрыл перед Никой дверцу.

– Прошу, сударыня, – пригласил он торжественным голосом, и лицо у него при этом было тоже торжественное, он даже не улыбался.

– Ничего себе...

Ника помнила и сейчас о бокале шампанского, но не сесть в такой лимузин было бы верхом неуважения и к лимузину, и к его водителю.

Потрясенно села на пассажирское сиденье спереди, Зимин водрузился на водительское кресло.

– Кимка, отцовский?

Аким кивнул.

– А он спит?

Снова кивок.

– А тебе не попадет?

– Не знаю.

Зимин завел мотор.

11-й «В» шел прямо по дороге двумя нестройными шеренгами. Машин в четыре утра не было, а тем редким, которые все же проезжали этим маршрутом, приходилось сигналить, чтобы молодежь расступилась. Нарядные парни и девушки, «цветы», как их прозвали в школе, делали одолжение – нехотя пропускали транспорт и снова смыкали цепь. Так же и с Акимовой машиной было – он весело просигналил. И еще раз пробибикал. И еще! Гудки сложились в музыкальную фразу. Народ 11-го «В» удивился задиристым «би-би» и расступился, чтобы пропустить озорной автомобильчик.

Bay!

- Стойте! Да это же Зима, ребята! Эй, Зима! Стой!
- Ух ты! «Лексус»! Вот это тачка!
- Зима, у кого угнал?
- Ему подарили! У него же отец крутой!

В машину, на заднее сиденье, набилось с десятков парней. По крайней мере, Нике так показалось. Суматошные, вопят – каждый свое, стекла опустили, головы повыставляли наружу. Ветер развевает чубы Витька и Тимошки.

- Гони, Зима!
- Газу, Кимка!
- Что ты плетешься, как черепаха!
- На такой-то тачке!
- Кимка, останови! – крикнула Ника поперек этим воплям.

Никин крик забил густой мужской смех. Что случилось с Акимом? Его не узнать! Взглянет на Веронику, подмигнет ей, переведет взгляд на дорогу и ржет. Обернется на парней, что-нибудь скажет смешное – и снова гогот. Зимин стал просто разнузданным! Перед одноклассниками выставляется?

Нике не нравилась эта компания! Ей с Зиминим одним было хорошо, но с этой оголтелой оравой? С этой оравой и Аким совершенно другой. Дикий! Как будто не только машину, но и себя переключил на пятую скорость. Ребят, конечно, можно было понять – школа закончилась, об этом давно мечтали, ностальгии у парней – никакой, это не девчонки-хлюпалки, которые в школе утирали глаза платочками. Парни-соколы рвались вперед – по этой дороге, по жизненной.

Кимка вошел в раж. Роскошная машина, которой он управлял впервые, легкость этого управления – сплошная автоматика, никакой тебе коробки передач, знай только жми на газ. Подзуживания парней тоже делали свое дело – он что, ботан? Никогда ботаном не был – чего сейчас осторожничает? Дорога располагает – ни одной машины, знай только шпарь!

Он и пошпарил. Счастье просто выпирало из него. Ника – рядом! Наконец-то рядом! Добился ее расположения! Кругом – красота, белые ночи! Красивый у них северный город. И Ника – красивая! Если он уедет отсюда (с Никой, конечно!), то будет скучать по этим белым ночам, по огромным деревьям, по фонтанам на каждом углу.

И конечно же, по своим ребятам. «Свои ребята» кучками направлялись в парк, и они видели, как по дороге на бешеной скорости пронеслась шикарная иномарка.

Ника никогда не ездила на такой скорости и уже простилась с жизнью, сжавшись в комочек на своем месте. Пиджак был накинут на плечи, и под ним она казалась маленькой птичкой, замолкшей от страха перед надвигавшейся грозой. Синий шарик лежал на коленях, Ника прижала его к себе, словно подушку безопасности.

Она несколько раз просила Зимина остановиться – он как будто не слышал, только смотрел иногда сбоку, коротко и бесшабашно. Она и замолчала.

И только тогда, когда Кимка, не сбавляя скорости, проскочил на красный свет, не выдержала и закричала снова:

- Кимка! Стой! Красный!

Красный? В голове Акима что-то щелкнуло. «НИКОГДА НЕ ЕЗЖАЙ НА КРАСНЫЙ» – вспомнились слова отца, казалось, вбитые в мозг. А вот и не вбитые! Он пролетел на красный и не заметил, и никто не заметил, кроме Ники. Неужели он проехал на красный?

Стопаньки...

Он же не сумасшедший, не пьяный.

Аким сбросил газ и резко припарковался к обочине.

В салоне сразу стало тихо.

- В чем дело, Зимка? – удивился Тимошка.
- Все, парни. Приехали. Вылезает.
- А в чем проблема? – спросил Ганов. – Бензин кончился?
- Я на красный свет поехал. Не заметили?
- И что? Никто не видел. ГАИ дрыхнет.
- Я сам себе ГАИ. Дальше – ножками. Вываливайтесь.
- А Дымова?
- А что Дымова? Мы с ней тоже ножками пойдем. Да, Ник?

Ника пришла в себя. Открыла дверцу, выскочила и побежала в сторону парка. Бежать в длинном платье было неудобно, Ника догадалась – подобрала подол рукой и бежала, бежала от дикаря Зимина и компании. Синий шарик сопровождал ее, неразборчиво отскакивая вперед, назад, в стороны.

– Что это с ней? – спросил Папуас, кивнув через окно на тоненькую бегущую фигурку, и засмеялся. – Невеста без места!

– Вываливайтесь, блин! – заорал Кимка. – Кому говорят!

Тимошка Ганов, Витек Кетов-Кед, Колька Лемешев по прозванию Папуас, Никита Беспрозованный, Олег Шитов – вот сколько пассажиров умещалось на заднем сиденье! Кто-то у кого-то сидел на коленях. Вылезли и кучей побрели в парк над рекой.

– Любви нет, – заученно бросил Кед, сделав два шага и обернувшись к Аким. И добавил почему-то Кимкину фразу: – Точка. Ру.

– Пошел вон! – крикнул Аким.

Кед и пошел. Незлобный и глупый.

Аким полежал головой на руле, ругая себя последними словами. Вел себя как пижон. Проехал на красный. Не слушался Нику. Обидел... Что она, заслужила? Поставил локоть на руль, погрыз костяшки пальцев в досаде. И вдруг выскочил из салона, хлопнув дверцей, побежал в сторону парка, на ходу обернувшись, нажал на ключе зажигания кнопку машинного замка и бросился искать Веронику Дымову со слабой надеждой, что она его простит.

В старом парке столетние тополя с морщинистыми стволами перемежаются с такими же старыми березами. То тут, то там веселые голоса, смех. Кучки, толпы, парочки юных, сумасшедшие красивых выпускников. А Ника – одна. Ей плохо.

«Он безответственный. Бесшабашный. Я для него никто. На него никакой надежды! Зачем мне он? Зачем? Уеду! Забуду!»

Ника тряслась от злости на Киму. Все было так чудесно! Первый поцелуй. Объятия. Его теплые ласковые глаза. Она думала, ее жизнь переменилась! Она рассталась со школой, но не с Кимкой. Она даже начала думать... да, да – что любит его! Да! А теперь – он все перечеркнул! Все кончено! Кончено, почти не начавшись. Ника криво усмехнулась.

«Отдам пиджак и шар его дурацкий, и пусть катится куда хочет». Ой, правда. Ведь на ней его пиджак, с ней – его «мечтательный» шар.

Ника повернула в противоположную сторону. Злость улетучилась. С ней его вещи!

Повод для встречи.

– Я смотрю – мой пиджак без меня гуляет! – Аким вынырнул откуда-то сбоку. – Спасибо, ночь белая, а мой пиджак серый!

Ника сняла пиджак и молча протянула Аким. Она была хмурая, и губа закушена – как всегда у нее, когда ей что-то не нравилось.

Она мельком взглянула в его смеющееся лицо. Обещала себе – даже не посмотрю на него! Но не смогла – взглянула. Те же теплые глаза. Та же нежность...

– Ты проехал на красный.
– Красный – прекрасный... Никогда. Больше. В жизни.
– Да? Никогда? А как насчет оголтелости?
– Оголтелости? Я был голым телом в машине? Извини, не заметил!
На такого клоуна возможно разве сердиться? Ника засмеялась.
– Ну а диким ты часто собираешься бывать? Полная машина дикарей!
– Диким? Диким я, наверное, все-таки буду. Иногда. А ты будешь дикое растение поливать и лелеять.
– Я еще подумаю!
– Ника-Акинка, не сердись. Я твоя половинка. На всю жизнь.
Господи! Он еще и стихи сочиняет!
Аким, похоже, и сам удивился сложности своей речи:
– О, с тобой я уже поэтом заделался!
Посмотрели друг на друга, рассмеялись. А потом он взял ее на руки и понес.

11-й «В» стоял на мосту через городскую речку Сластену.
– Народ, нужно монеты в воду кинуть, чтобы вернуться в отчий дом после того, как станем великими! – вспомнил Тимошка.
Он, конечно, юродствовал, как часто это делал, но к его предложению отнеслись серьезно. Стали искать монеты, передавать друг другу. С моста в воду посыпалась мелочь.
– А у меня нет денег. Вместо денег я кидаю ключ от квартиры, смотрите! – Витек показал связку ключей и, бравируя, бросил в воду.
– А что? И я тоже могу!
– Да ребята, бросайте все на фиг! Все, что есть!
– Ура-а! Избавляемся от ненужного хлама!
– Сотик кидаю! Все равно менять надо!
В воду полетел телефон. Косметичка. Еще один ключ. Еще один мобильник.
Молодежь раздухарилась. Шум, гам, свист над безмятежной рекой.

И тут парень появился. Он нес на руках девушку в белом. Дымову и Зимина узнали. Шум, гвалт, свист разом стихли. Никто не произнес ни слова.
И даже взошедшее вечное солнце не смогло лишить их безмолвия.

* * *

– Ты самая красивая, Ника-Вороника.
– Ты назвал меня «Вороника». – Ника подняла на Акима смущенный взгляд. – А я и правда ворона. Телефон опять оставила в зале...
– Да здравствует самая красивая ворона на свете!
С ближнего тополя отозвалась серая птица, одоблив его слова.

Да разве бывают некрасивыми девчонки?
В утреннем небе, подкрашенном солнечными лучами, летел маленький голубой шарик
– их общая мечта.

Елена Усачева

Бал неисполненных желаний

*Then hate me when thou wilt, if ever, now
Now while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of Fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss.*

Сонет 90

*Уж если ты разлюбишь – так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!*

Пер. С. Маршака

Глава 1

Класс, которого нет

Он был отчаянно печален, этот Димочка. Узкое лицо побледнело, а кончик носа, наоборот, покраснел. Смотрел в сторону. Опять же отчаянно – пытался сохранить спокойствие. Но как раз эта отстраненность взгляда и окаменелость челюсти выдавали его переживания.

– Не расстраивайся.

Соня попыталась заглянуть ему в глаза.

– Я не расстраиваюсь! – выдавил сквозь сжатые зубы Димочка. – Чего мне расстраиваться? У меня все... – он вдохнул с всхлипом, болезненно, – хорошо.

И невероятно четко ставя ноги, потопал вдаль.

«Бедненький, – вздохнула Соня. – Отчччччаяннно печчччальный».

Димочка мил, тих, робок. Высокий. Очень худой. Вьющиеся волосы зачесывает назад, отчего они стоят вокруг головы пушистой шапкой. Всю весну бледной тенью проходил за Тamarкой. Она хмыкала, довольная победой. Все ждала, что признается в любви, но он молчал. Дрожащей рукой брал ее руку в темном кинотеатре и замирал, словно энергией подпитывался.

«Робот», – наградила его кличкой Томочка.

Жалко мальчика, ой как жалко. Признаний Томка не дождалась – и вот теперь целуется с Максом. На всех переменах они вместе, весь август – вместе. А Соне досталась почетная миссия сообщить эту радостную новость Димочке. Не самой же Тамаре об этом говорить, в самом деле. Не дай бог, подойдет потом, начнет объясняться – помешает. Потому что Максик ревнив. Рассорит еще Димочка большую и светлую любовь.

Вот Соня и сказала, а теперь на душе тяжело. Нет, не тяжело – отчаянно печально. Бедный Димочка... Он неплох. Дискотеки проводит, в музыке разбирается, фотографирует хорошо. Вроде все при нем...

Ровная спина, высоко поднятый подбородок. Обиделся. Будет плакать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.